

ТАЙНА МЫСА ВХОДНОГО

Казимир Писовский

ЗАПАДНО-
СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬ-
СТВО

КАЗИМИР ЛИСОВСКИЙ

ТАЙНА МЫСА
ВХОДНОГО

НОВОСИБИРСК
1975

Очередная книга серии «Сибирью связанные судьбы» рассказывает об известном полярном путешественнике, русском моряке Никифоре Бегичеве (1874—1927 гг.).

Вся жизнь и деятельность Бегичева были посвящены сибирскому Северу. Он принимал активное участие в исследовании Таймыра, в поисках легендарной «Земли Санникова», проводимых Русской полярной экспедицией Эдуарда Толля, руководил розысками членов экспедиции норвежского исследователя Р. Амундсена.

Автор книги К. Л. Лисовский, вместе с комиссией расследовавший дело о загадочной гибели Никифора Бегичева, дополнил ранее вышедшее и получившее широкую популярность издание новыми сведениями.

В ночь с 18 на 19 августа 1955 года пассажирский самолет ИЛ-12 оторвался от бетонированной площадки Внуковского аэропорта и, сделав плавный круг над спящей Москвой, взял курс на восток.

В числе других пассажиров на борту самолета находились прокурор Главной транспортной прокуратуры Союза ССР А. Т. Бабенко, судебно-медицинский эксперт, кандидат медицинских наук В. Г. Науменко и автор этих строк.

Несколькими днями раньше из Красноярска в город Дудинку (центр Таймырского национального округа) на самолете ЛИ-2 вылетел старший следователь Красноярской краевой прокуратуры Ю. И. Дралюк с группой экспертов и представителей общественных организаций.

Наконец, в двадцатых числах августа из Диксона в спецрейс вылетел самолет АН-2 с одним пассажиром — следо-

вателем по уголовным делам Н. Олонцевым.

Все эти люди встретились у берегов Ледовитого океана на мысе Входном, вблизи которого почти тридцать лет назад погиб замечательный следопыт, известный исследователь Таймыра боцман Никифор Алексеевич Бегичев.

Часть первая

УМЕР... ИЛИ УБИТ?

1

Жизнь этого человека богата удивительными событиями и необычайными странствиями.

О Бегичеве писали многие и в разное время.

Еще в детстве я читал в журнале «Вокруг света» очерк С. Маркова «Жизнь и гибель боцмана Бегичева». В 1929 году в журнале «Всемирный следопыт» появился очерк А. Смирнова, а в середине тридцатых годов в журнале «Советская Арктика» печатались очерки Н. Болотникова. И, наконец, перу Е. И. Владимирова, бывшего старшего научного сотрудника Красноярского краевого архива, принадлежат написанные им для детей очерки о жизни и приключениях Никифора Бегичева. Они публиковались в краевой пионерской газете в 1939 году.

Когда летом 1927 года с берегов Ледовитого океана быстрее птицы полетела по Таймырской тундре весть о том, что Бегичев погиб, те, кто помнил его, не могли в это поверить.

Как же так? Он, который сам спасал заблуждавшихся матросов с ледоколов «Таймыр» и «Вайгач», он, который вступал в единоборство с белым медведем, исходивший Таймыр вдоль и поперек и столько раз побеждавший смерть?..

Нет, невозможно было примириться с мыслью о том, что Улахан Анцыфор (Большой Никифор) погиб, погиб от цинги. Тем более, что все другие участники последней экспедиции Бегичева, куда менее опытные, нежели он, вернулись с мыса Входного.

И только сам он остался в ледяной могиле на берегу океана.

По бесконечным просторам Таймыра, от чума к чуму, от стойбища к стойбищу, понеслась другая весть: Большой Никифор умер насильственной смертью.

Так возникла новая, загадочная версия.

По делу были допрошены почти все основные участники экспедиции. Большинство, в том числе и подозреваемый в убийстве участник экспедиции Натальченко, категорически отрицало факт злодеяния. И только друг Бегичева эвенк Манчи Александрович Анцыферов рассказал нечто иное...

К весне 1927 года у зимовщиков истощились продукты, нужно было срочно пополнить их запас, добыть лимонную кислоту и т. д. Бегичев принимает решение — немедленно отправляться на Диксон. Он еще кре-

пится, хотя здоровье сильно пошатнулось. Шутками, увлекательными рассказами о своей жизни Никифор Алексеевич поддерживает в товарищах силу и бодрость.

Бегичев не молод — ему пошел 54-й год. Уменьшая себе паек, он еще ходит на охоту, но с каждым разом такие вылазки становятся для него все мучительнее. С ужасом замечает Бегичев, что его ноги и десны начинают опухать. Неужели... цинга? Если так, он еще поборется с ней! Скорее, скорее на Диксон: в этом спасение!

Вот в эти-то тяжкие дни Натальченко, по словам Манчи Анцыферова, затеял с Бегичевым ссору. Предлогом для нее явилась собачья упряжка, принадлежавшая Натальченко: Бегичев хотел на ней отправиться к Диксону.

Натальченко якобы набросился на больного, стал избивать его и, когда тот упал, вскочил ему на грудь и топтал сапогами, подкованными железом. Бегичев потерял сознание...

«На другой день, — показывал на следствии Манчи Анцыферов, — я увидел, что ноги Бегичева были распухшие, как бревна. Не видно было на них нормального мяса — одна сплошная синева, а на боках и груди опухоли и синяки от побоев...»

Натальченко, рассказывал далее Манчи, взял в свои руки руководство артелью. Он приказал вынести Бегичева из избы и бросить его в палатку, специально поставленную входом на север. Полог палатки оставили открытым, и Бегичева постоянно заносило снегом, одежда не могла согреть. «Бы-

до слышно,— говорил Манчи,— как Бегичев кричал в палатке, просил попить и поесть, но ему не давали. Натальченко приказал не давать Бегичеву еды и сам караулил пищу, чтобы никто не унес ее Бегичеву...»

Через несколько дней Никифор Алексеевич умер.

Возникла необходимость судебно-медицинского вскрытия трупа.

В те годы это было необычайно сложно: ведь путь на лодке к мысу Входному занимал два с половиной — три месяца, и людям, которые рискнули бы отправиться туда, грозила опасность зазимовать.

Судебно-медицинская экспертиза оказалась невозможной, и дело было прекращено.

Тайна мыса Входного продолжала оставаться тайной...

2

В 1944 году, собирая материалы для своей стихотворной повести «Русский человек Бегичев», я решил отправиться на Таймыр.

Может быть, удастся разыскать людей, хорошо знавших Бегичева, тех, кто странствовал вместе с ним. Хотелось услышать их рассказы и воспоминания.

Но — увы! — лучшего, самого близкого друга Бегичева Егора Ивановича Кузнецова я уже не застал в живых. Умер и Манчи Анцыферов. И все же в Хатангской тундре посчастливилось встретить старого проводника Бегичева — долганина Пахома Щукина.

...На горизонте огненным цветком горело незакатное солнце. Глухо шумела, билась о песчаный обрывистый берег холодная, вспененная Хатанга. Вокруг, куда ни глянь, — тундра. Болотистая, мшистая, кочковатая. Только кое-где робко подымались маленькие, меньше человеческого роста, одинокие лиственницы.

Белой полярной ночью мы сидели в чуме Пахома Щукина.

Чум находился поблизости от поселка Хатанга, районного центра Таймырского национального округа.

Пахом Щукин, седой долганин, всю жизнь провел в этих местах. Здесь ему знакома каждая кочка, каждая мель на реке.

Степенный, немногословный, он сидел, поджав под себя ноги. В руках дымилась желтая обкуренная трубка из моржовой кости. Щукин был отличным рыбаком, несмотря на свои преклонные годы, и давно уже мог жить на покое в новом свежесрубленном доме по примеру других. За последние годы много таких уютных, пахнущих свежей сосной домиков выросло по берегам Хатанги, на факториях. Но, видимо, Пахому жаль было покидать свой обжитый чум: ведь на старости лет трудно расставаться с привычным.

Глотая горький дым костра, от которого текли по щекам слезы, я слушал его неторопливую речь. В паузах хозяин угощал меня сагудаем — сырой рыбой.

Когда я спросил Пахома, слышал ли он о Бегичеве, старый охотник удивленно воскликнул:

— Улахан Анцыфор? Да кто же его не знает здесь! Хороший человек был. Ба-альшой человек!..

И он стал вспоминать. Чувствовалось, что в его рассказе вымысел перемежается с правдой, легенда — путается с былью. Правда, в последней, трагической экспедиции Бегичева он уже не участвовал, но помнит, ему рассказывали...

Надо было видеть взволнованное, озаренное каким-то внутренним светом лицо старого долганина, чтобы убедиться, насколько прочно здесь, на Таймыре, живет память о Большом Никифоре.

Покинув Хатангскую тундру, я приехал в августе того же года в Норильск. Этот город, выросший на 69-й параллели, можно смело назвать восьмым чудом света.

Конечно, тогда, четверть века назад, Норильск был не тот, что сегодня. Теперь он восхищает даже молодых москвичей и ленинградцев, что едут по комсомольским путевкам на Талнах. Тогда здесь было мало каменных зданий, широких проспектов, «ансамбль» города еще не сложился.

В Норильске я встретился с заместителем начальника горнообогатительного комбината Чижовым и объяснил, что единственной целью моего приезда является желание попасть на мыс Входной, вблизи которого, как мне было известно, находится могила Бегичева. К этому мысу, где располагался тогда рыбпромхоз Норильского комбината, раз или два в год отправлялись из Валька (поселок

на речке Норилке) караваны с грузами для тамошних рыбаков. Авось, говорил я, мне посчастливится попасть на такой караван.

Нет, не посчастливилось! Оказалось, что караван давно ушел, скоро возвратится от туда, а другой уже не пойдет: поздно.

Тогда Чижов неожиданно улыбнулся и сказал, что через несколько дней он сам отправляется туда на самолете, правда, не очень удобном. Впрочем, я уже испытал это удовольствие, так как прилетел в Норильск именно на таком самолете: влезать в него приходилось через люк. Но я считал, что оказии лучше этой и желать не приходится: в люк — так в люк, лишь бы лететь.

Оказывается, на мысе Входном смыло волной нескольких рыбаков. Туда и летел Чижов.

Вылет намечался на послезавтра.

Но и тут не повезло! Наутро мне позвонили из управления комбината:

— Начальник комбината Панюков велел показать нашу «северную Швейцарию» — озеро Лама. Там наш дом отдыха. Самолет будет послезавтра. Сопровождать вас будет товарищ Фролов.

— Большое спасибо, — растерянно ответил я, — но... зачем мне озеро Лама? Я ведь не собираюсь там отдыхать, мне необходимо на мыс Входной...

Голос в трубке стал официальным, не допускающим возражений:

— Не беспокойтесь, мыс Входной от вас не уйдет. Почитаете стихи отдыхающим!

Так я очутился на Вальке.

Там нас встретил пилот Штегман. На сей раз меня усадили в открытый люк, где помещался радист.

— Отсюда удобнее обозревать, — сказал Штегман.

Я надвинул кепку поглубже, задом наперед, чтоб не сдуло. Взвыли моторы.

Тундра... Блюдца озер, голубые ленточки речушек. И вдруг — словно мираж перед глазами: изумительно прозрачное озеро. Это и есть Лама. Озеро окружено высоченными горами, здесь растут вековые лиственницы, каким-то чудом выросшие и прижившиеся на вечной мерзлоте. Действительно — оазис! И не зря прозвали его «северной Швейцарией»...

Прощаясь, Штегман сказал, что послезавтра прилетит за нами.

Но и на пятый день самолета не было.

Мы облазили все скалы, налюбовались водопадами, испробовали рыбу из озера и даже спирт, который один местный умелец вырабатывал из... хвои лиственницы.

Штегман появился лишь на седьмой день — бледный, обросший, усталый. Мы к нему с упреками.

— Да вы что, не знаете? Ведь Чижов разбился на Входном! Спасся только летчик, и то еле жив. Мы все дни возили туда водолазов...

Семь лет спустя я увидел на берегу остатки разбитого самолета...

3

Только в 1951 году мне удалось, наконец, побывать на мысе Входном.

Путь наш лежал по реке Пясине, одной из самых диких и малоисследованных рек Таймыра. Ее зачастую даже не помечают на картах. Но это отнюдь не значит, что река слишком мала. Начиная свой путь от одноименного озера, Пясина прорезает почти всю Авамскую тундру и тянется на тысячу с лишним километров, впадая в Карское море.

Холодный, пронизывающий ветер дул целые дни, и наш буксирный пароход «Сплавщик» еле плелся по реке, вытягивая четыре больших, доверху нагруженных баржи. На баржах — всякая всячина: продукты для рыбаков Дудыпты, Агапы, Тореи, Пуры (все это притоки Пясины), соль для засолки рыбы, кирпич и тес для строительства новых домов, деревянные бочки, вездеходы. Для непривычного глаза всей этой «всячины» было с излишком. Но ведь и лето в здешних краях с воробьиный коготок, и надо успеть сделать по крайней мере два-три рейса.

Пароходишко небольшой, трехсотсильный. Это скорее плавучий дом, нежели речное судно. Рядом с дымовой трубой подомашнему вялится рыба, мясо. На мостике — капитан. Его внешний вид весьма далек от обычного представления о капитанах: рыжая меховая шапка, такая же куртка, стоптанные валенки. Здешний климат не позволяет носить летнюю форменную фуражку, ботинки или сапоги: уж больно холодно, особенно по утрам...

Сперва берега были скалистыми, покрытыми редкой, малорослой лиственницей. Но чем дальше на север, тем унылее и безотраднее становились они, пока не стали совсем

голыми, поросшими мхом и карликовой березкой.

Крохотная, сквозная,
С тундрой вступая в спор,
Она не напоминает
Стройных своих сестер.

Она на них непохожа
Ни ростом, ни красотой,
Ни темного цвета кожей,
Ни редкой, скупой листвою.

И весны ее не греют,
И вместо земли — гранит,
Она над рекой Тореей
Былинкой малой стоит.

Но как глубоко, упорно,
Тоненьки и густы,
Вплелись ее нити-корни
В серого мха пласты!

Ягель сухой и жесткий,
Тундра в седом дыму,
Молча дивлюсь, березка,
Мужеству твоему...

По берегам — множество диких гусей. Их пухом, как снегом, густо усыпана земля. В эту пору гуси линяют и, смешные, неуклюжие, бегают по прибрежному песку, не в силах взлететь. Иногда в тихих заводях, около островов, виднеются белоснежные лебеди. А однажды наш путь преградило многотысячное стадо диких оленей. Они переправлялись на другой берег и плыли тесными рядами. Их было так много, что во всю ширину реки вырос густой кустарник из ветвистых рогов.

Через несколько дней на высоком левом берегу Пясины показались чумы нганасанского колхоза «Пура», а чуть дальше — домики фактории «Кресты».

Нганасаны (тавгийцы) — самая малочисленная народность Таймырского национального округа. Их насчитывалось тогда всего около восьмисот человек. До революции они были обречены на медленное вымирание: голод, болезни нещадно преследовали смелых, самобытных людей, отличных охотников. Советская власть возродила к жизни эту народность, дала нганасанам возможность учиться, овладевать грамотой, культурой.

В колхозе нас встретил бригадир рыболовецкой бригады Молка Турдагин.

Рослый, смуглый, в фуфайке и резиновых сапогах, он восклицает, протягивая руку:

— О, из далекой земли вы пришли!..

Молка неплохо говорит по-русски, и тут же, на берегу, завязывается разговор. Бригадир не так давно принят в члены партии. Несколько лет учился в окружном центре — Дудинке. Сейчас он — член правления колхоза.

У турдагинской бригады хорошие сети, невода, моторка, — все доставлено сюда с Большой земли. И хоть короток на семьдесят первой параллели сезон рыбного промысла, добывают помногу.

Направляемся к чумам, стоящим на самой вершине обрывистого берега. Около чумов много санок, на которых лежит старательно завернутая кладь. В чумах женщины заняты выделкой одежды — парок.

Неторопливо покуривая длинные трубки из кости мамонта, женщины спивают оленьими жилами куски тонкой, тщательно выделанной кожи. Красивым, затейливым нганасанским орнаментом украшают они парку, нашивая тонкие полоски замши, окрашенные в красный и черный цвета. Подол парки оторачивается мехом лисы, а на воротник идет белоснежный мех полярного зайца.

На фактории «Кресты» при начальной школе есть интернат, где живут дети колхозников. Кроме начальной школы, интерната и красного чума, есть медпункт, магазин, рация. Люди далекого колхоза, затерянного в просторах Авамской тундры, связаны волнами эфира со всей страной.

Когда колхоз переезжает на восемьдесят километров дальше, к Медвежьему яру, вместе с ним отправляется и красный чум — передвижная изба-читальня. В таком чуме — настольные игры, библиотека, патефон с большим набором пластинок, газеты. Здесь почти круглые сутки светит огонек лампы, зовет к себе оленеводов, охотников, и они слушают рассказы о том, что делается на Большой земле. А за обшивкой чума неистово гудит пурга, швыряя в единственное оконце охапки снега...

Неузнаваемой стала Авамская тундра, пройденная когда-то вдоль и поперек Никифором Алексеевичем Бегичевым!

Выгрузив продукты и товары, продолжаем путь.

Вот показались скалы Бырранга — начало большого хребта, пересекающего северную часть Таймырского полуострова. Черные, угрюмые, они, как молчаливые стражи, возвышаются над рекой.

Десятибалльный ветер с дождем не дает стоять на палубе, сбивает с ног. Все вокруг подернуто серой пленкой. Температура воздуха — четыре градуса выше нуля, а ведь сейчас конец июля, самого жаркого месяца.

Крупная штормовая волна захлестывает пароход.

Мы входим в Пясинский залив. Впереди — Карское море...

К вечеру, на пятые сутки плавания, в туманной дымке дождя показались первые избушки мыса Входного.

Не скрою, сердце мое сильно забилося. Наконец-то мне удастся побывать на земле, где жил и умер Никифор Алексеевич Бегичев, на земле, которую он исследовал.

Всматриваясь в еще далекие очертания мыса, я перебирал в памяти даты жизни замечательного следопыта Севера, исследователя-самоучки, легендарного боцмана.

Участие в экспедиции Толля... Мужественный переход на вельботе по Ледовитому океану... Открытие в Хатангском заливе неизвестного острова, ныне носящего имя своего открывателя... Спасение команд ледокольных кораблей «Таймыр» и «Вайгач»... Поиски останков исчезнувших спутников Амундсена... Какая смелая, какая героическая жизнь!

И, наконец, последнее путешествие сюда, к мысу Входному.

Наш народ не забывает своих мужественных сыновей. И не только остров в Хатангском заливе, не только бесчисленные реки Таймыра, нанесенные Бегичевым на карту, хранят память о нем. Нет! Эта память живет в сердцах ненцев, долганов, нганасанов, в сердцах всех коренных жителей Таймыра. В любом, самом отдаленном стойбище, в любом чуме на вопрос о Бегичеве вам ответят:

— О, Улахан Анцыфор! Как же его не помнить? Конечно, помним!

...Так вот он, мыс Входной!..

Постепенно огибая песчаную косу, мы все ближе подходим к берегу. Уже открылся поселок рыбпромхоза — семнадцать избышек на скалистом берегу. Слышится рокот движка электростанции...

Над зданием клуба арктический ветер развеивал флаг. Тремя долгими гудками «Сплавщик» приветствовал флаг нашей Родины, гордо реющий и здесь, на самом краю земли, на семьдесят четвертой параллели северной широты.

Радостной была встреча. На берег высыпало все население мыса Входного. Еще бы! Ведь это — первый пароход, пришедший сюда за лето.

Несколько катеров сопровождали нас к берегу. Прежде всего стали выгружать уголь. Уголь здесь — самое главное. Он дает тепло и свет, ведь на этой земле ничто не растет, даже карликовая березка, даже мох, долгожитель тундры...

Мы привезли зимовщикам продукты — консервы, овощи. К причалу один за другим

подъезжали автомашины и увозили ящики прямо на склад. Тут же стоял, ожидая своей очереди, трактор с прицепом.

В конторе рыбпромхоза меня познакомили с секретарем партийной организации, начальником первого рыбоучастка Николаем Михайловичем Хивричем, крепким, коренастым человеком, с лицом, обожженным полярными ветрами. Поговору в нем можно было узнать украинца.

Я поинтересовался, где могила Бегичева и сохранилась ли она. Хиврич сообщил: могила в семи километрах к западу, недалеко от берега, который здесь называют берегом Бегичева, но сохранилась ли — неизвестно. Сам Хиврич там уже давно не бывал, но рыбаки говорят, что несколько лет назад видели могилу.

На следующий день нам предоставили катер, и мы вчетвером — Хиврич, я и двое рыбаков — отправились к острову Большая Чайка, в семи километрах отсюда. Напротив острова и расположен берег, названный именем Бегичева.

Катер назывался «Полярный». Хотя и маленький, но был он силен и быстро рассекал большую волну.

Ровно стучит мотор. Катер мягко покачивается.

В кубрик просовывается голова капитана Ранинина.

— Остров Большая Чайка. Причаливать?

— Нет, прямо к берегу Бегичева!

Выходим из кубрика, где так тепло и уютно. Мимо нас проплывает остров. В эти минуты он безлюден, но это временно: ры-

баки либо на лове, либо выгружают баржи.

Здесь, как и на мысе Входном, белеют рыбацкие избушки, стоят у самого моря ставные невода.

— Вот и берег Бегичева, — раздумчиво произносит Хиврич, указывая рукой на серую полосу земли.

«Полярный» причаливает. Прямо по воде, благо на каждом из нас высокие резиновые сапоги, выходим на прибрежный песок. И песок, и вода, и небо, низко-низко нависшее над головой, — свинцового цвета.

Идем молча. Под ногами хрустит крупная черная галька.

Находим остатки вельбота, замытого песком. Вельбот, по всей вероятности, принадлежал Никифору Алексеевичу. Дальше — плавник, намытый волнами.

На берегу, куда мы поднялись, стоит зимовье без окон. Но это не зимовье Бегичева, оно построено несколько лет назад местными рыбаками, а избушку его разрушили вьюги Арктики. Остался только фундамент: толстые, прогнившие венцы, поросшие мхом. Поодаль в озерах воды валяются проржавленные консервные банки давнишнего образца, множество оленьих рогов, песцовые черепа, ржавая цепь от капкана.

Идем дальше по тундре. Почва под ногами ходит ходуном. След мгновенно заливает вода. Ноги то и дело проваливаются в болотца: ведь тут только на тридцать сантиметров оттаивает земля!

Тишина... Лишь изредка пролетит серый поморник — полярный альбатрос, медленно качнется на ветру и снова улетит

вдаль. Лишь прошмыгнет под ногами и скроется в своей норке шустрый мышонок-лемминг.

Наконец останавливаемся около высокого холмика: может, здесь? Нет, этот холм не похож на могилу: земля сравнительно недавно уложена, а вблизи лежат обломки пасти (ловушки для песка). Нет, это не могила Бегичева. Ее надо искать!

И мне вспомнился маленький любительский фотоснимок могилы Бегичева, подаренный в Туре старым зимовщиком З. З. Громадским. Его именем названа здесь одна прибрежная коса. Громадский зимовал в этих местах два года спустя после смерти Никифора Алексеевича и сделал этот снимок. На нем четко был виден крест с иконкой, а на кресте — дощечка с неразборчивой надписью. Помнится, могильный холмик еле поднимался над землей.

Оставив своих спутников, я снова устремился в глубь тундры. И вдруг увидел: что-то белеет впереди. Побежал туда... Передо мной лежал на земле деревянный крест, точно такой же, как и на снимке Громадского: на нем — заржавевшая от времени иконка. В нескольких шагах от креста я заметил небольшую дощечку, добела вымытую ливнями и пургой. Внутри дерево сгнило. И все же на поверхности можно было разобрать полустершееся слово, нацарапанное каким-то острым предметом: «...егичева». Единственное слово, оставшееся от надгробной надписи!

Подшли мои спутники, я показал им находку.

— Но ведь где-то должно быть основание креста,— сказал один из них. Потом наклонился и выдернул из земли колышек.— Вот оно!

Теперь уже сомнений быть не могло.

Двое рыбаков направились к катеру, принесли оттуда кайла и лопаты. Начали копать. Жадно хлюпала болотистая земля — плывун. Рыбаки откапывали ее ровными квадратами, осторожно складывая в стороне, чтобы потом возвести холм. Так прошло, видимо, с полчаса, и мы услышали, как звякнула лопата.

Мерзлота или крышка гроба?

Рыбаки взялись за кайла, и через некоторое время обнажилась плоская крышка гроба длиною в два метра. Он находился на очень небольшой глубине. Видно, хоронили второпях, кое-как, в болоте. Одна из досок несколько отстала. Приподняв ее, мы увидели сквозь толстый мутный слой льда очертания тела...

Минуту мы стояли в молчании. Что же делать? Ведь никакого разрешения на вскрытие могилы у меня не имелось. Ну, а если бы имелось? Что мы могли установить без специалиста-эксперта?

Опустили крышку, прибили ее, забросали могилу землей. И через час вырос высокий холм, аккуратно обложенный дерном.

Все сняли шапки. Дул пронзительный ветер, тучи тянулись низко над головой, предвещая шторм.

Билась, гремела о берег ледяная волна Карского моря...

Пора было возвращаться.

В небо рванулись два выстрела — салют мужественному русскому человеку Никифору Бегичеву.

Вернувшись в Норильск, я рассказал руководителям комбината о том, что удалось установить.

Позднее мне сообщили, что рыбаки с мыса Входного обнесли могилу оградкой, поставили деревянную пирамиду-obelisk, сохранив и старый крест.

И сквозь дымку воспоминаний вновь привиделся мне берег Бегичева...

Тут все открыто холоду и ветру,
Вода озер прозрачней хрустала,
И только лишь на тридцать сантиметров
Оттаивает мерзлая земля.
И только чайки залетают в гости,
Промчатся низко, поднимая крик,
И только, цвета мамонтовой кости,
Лежит намытый волнами плавник.
Болотистая тундра. Пасты... Пасты...
Песок прибрежный. Пепельный гранит.
И что ни день — то штормы, то ненастье,
Вот та земля, где Бегичев лежит.

Я вижу одинокую могилу,
Где лег он прямо головой на восток.
Поморник серый пролетит уныло,
И снова неподвижно все окрест.
И что ни день, то в далих ледовитых
Все громче имя боцмана гремит...
Согрета нами ныне и обжита
Земля, в которой Бегичев лежит.
На побережье голом, невеселом,
Отсюда километрах в десяти,
Рыболовецкий молодой поселок
Поднялся к океану на пути.

В спецовках, в прорезиненных зюйдвестках,
Плывут поморы, презирая страх.

Обожжены их лица ветром резким,
Морская соль белеет на губах.
Гарпун метнется над волною бурой,
Толчок. Каскад воды. Еще толчок!
И вот, пятнистой отливая шкурой,
Всей тушей нерпа ляжет на песок.
А вдалеке, в голубоватой дымке,
Мелькают лодки. Знать, хорош улов!
И тянет катер за собой илимки,
Наполненные рыбой до краев.
Пушай гудит десятибалльный ветер,
Пушай у берегов вырос припай,
Но эти люди ни на что на свете
Не променяют свой суровый край.
На побережье сумрачном Таймыра,
Над океанской вспененной волной,
Нет, нет, не только волнами эфира —
Всем сердцем связаны они с Москвой,
Со всей Отчиной — милою, огромной...
И эта связь прочнее, чем гранит,
И жизнь шумит, светла и неумна,
На той земле, где Бегичев лежит...

Кто же он был, этот человек, чье имя ок-
ружено легендами, последняя из которых —
самая таинственная?

Часть вторая

УЛАХАН АНЦЫФОР

1

Впервые в село Дудинское (ныне — Дудинка) Бегичев приехал в конце июня 1906 года и сразу привлек к себе внимание всех жителей. Не только потому, что Дудинка в те годы была маленьким селом и появление каждого нового человека являлось событием, о котором толковали даже месяц спустя, — Бегичев обращал на себя внимание и своей внешностью. Был он высок, плечист, носил бородку, усы и подстриженные «под бобрик» волосы. Говорил густым сочным басом с едва заметным волжским «оканьем», ходил чуть вразвалку, как ходит бывалый моряк, привыкший к качающейся палубе корабля.

Вот как описывает сам Бегичев жизнь в Дудинке:

«Дудинка — маленькое село, всего в 10 домов. Живут в ней больше торговцы, которые осенью, по снегу, уходят на оленях с товарами за 800 верст в тундру на Хатангу. Там они торгуют с якутами, тунгусами, долганами и самоедами. Завозят торговцы преимущественно кирпичный чай, листовый табак, сухари, муку, порох, свинец, весной же вывозят из тундры пушнину, главным образом, песка. И ждут со своим товаром пароходов...

Дудинка стоит за Полярным кругом, севернее Туруханска 600 верст.

Пароходы приходят сюда из Красноярска. Три парохода — частного акционерного общества и четыре — казенного пароходства. Делают они по два рейса в навигацию. До Дудинки идут с товарами, а дальше, вниз по Енисею, на пески — с рыбаками-неводчиками. С этими весенними пароходами дудинские торговцы везут в Красноярск пушнину и мамонтовую кость. Там они живут до августа и с последним рейсом возвращаются обратно. Пароходы же опять идут к устью Енисея, грузят рыбу, берут неводчиков и в сентябре уходят совсем. Дудинские жители расстаются с ними на девять месяцев».*

Не прошло и недели, как Бегичев пере-
знакомился с большинством жителей села.

---

* Выдержки из дневника Н. А. Бегичева цитируются по журналу «Сибирские огни», 1935 г., № 2.

Особенно тесная дружба завязалась у него с молодым охотником-промысловиком Егором Ивановичем Кузнецовым. Хотя Кузнецов был значительно моложе Бегичева, обоих связывала любовь к странствиям. Оба не боялись никаких трудностей.

Был как раз самый разгар охоты на гусей и уток. Вдвоем, захватив ружья, боеприпасы, провизию, отправлялись они в тундру, к озерам. И там после удачной охоты, разбив палатку, разведя костер, за стаканом крепкого кирпичного чая Бегичев часами рассказывал другу о своей жизни.

А рассказывать было о чем.

Уроженец захолустного приволжского городка Царева, он учился в церковноприходской школе. Другой в городке не было. Но через два года Никифору пришлось оставить ее: надо было помогать родителям. Жилось тяжело. Старшие братья тянули солдатскую лямку. На плечи юноши легли заботы о семье. Целыми днями он работал на огороде, пропалывал грядки, помогал по хозяйству. Когда вернулся домой один из старших братьев, демобилизованный с флота, Никифор отправился с ним рыбачить на Каспий.

Так он впервые увидел море.

И хотя невыносимо трудной оказалась путина, но крепко-накрепко полюбились Бегичеву морские просторы. Он окреп, мускулы его налились свинцом, и в девятнадцать лет он шутя мог побороть любого сильного, бывалого рыбака.

С артелью на маленьком баркасе выходил Никифор в море. Не всегда плавание

было удачным: иногда возвращались и без улова, иногда жестокий шторм швырял суденышко из стороны в сторону. Но чем больше было трудностей и опасностей, тем сильнее закалялась его воля, тем крепче привязывался он к морю.

И само собою родилось решение: стать моряком.

Когда Бегичеву исполнилось двадцать лет, его по призыву зачислили во флот. Попрощавшись с родителями — Евгенией Степановной и Алексеем Кондратьевичем, он отправился в Кронштадт.

Потянулись месяцы ежедневной бессмысленной муштры. За каждое неумелое выполнение команды, за каждую незначительную провинность — строгое наказание.

Бегичев стал матросом второй статьи, поступил в учебную команду строевых квартирмейстеров — так в российском дореволюционном флоте назывались унтер-офицеры специального назначения. На учебном фрегате «Герцог Эдинбургский» Никифор Алексеевич плавает в Балтийском и Средиземном морях. Успешно выдержав испытания, получает звание унтер-офицера, а еще через год — боцмана.

Обо всем этом и рассказывал Бегичев молодому другу в белые полярные ночи у охотничьего костра.

Егор Кузнецов любил бывать у Бегичева на дому, особенно в непогоду...

Уже седьмые сутки над Дудинкой
Ревет пурга, без отдыха и сна,
Упрямо бьются колкие снежинки
В слепые стекла низкого окна.

Кого она зовет, о чем тоскует,
С полярною соперничая тьмой?
Недаром люди непогодь такую
Здесь называют «черною пургой».

Протянешь руку — и твоей ладони
Не видно. Все метет, метет, метет...
Олень и тот в густом снегу утонет,
Когда в такую вьюгу попадет.

И кажется, слепую встретив ярость,
Напор стихий преодолев с трудом,
Как утлый бот, вздымая дыма парус,
Плывет во тьму уснувший старый дом.

И словно в мире ничего нет, кроме
Зимы и ночи... Далека весна!..
Не все уснули в этом старом доме.
Мерцает робко краешек окна.

Семилинейной лампы свет неяркий,
Клеенкою покрытый круглый стол...
Покой, уют, невыносимо жаркий,
Хозяин дома в первый раз обрел.

Он, видно, издавна привык к беседе
С самим собой наедине. В углу —
Кровать. И шкура белого медведя
На грубом непокрашенном полу.

Тетрадей пожелтевшие страницы
Корявым почерком испещрены:
Мелькают даты, имена и лица,
Воспоминанья юности ясны.

Озарено ее весенним светом
Лицо в морщинах дум, тревог, забот,
Багровое, исхлестанное ветром
Безжалостных арктических широт.

Лежит на карте, перед ним раскрытой,
Вся в белизне неведомых земель,
В соседстве с океаном Ледовитым —
Отваги следопытской колыбель.

Ее простор нехоженный понятен
Покуда лишь пытливому уму.
Нет, самому все тайны «белых пятен»
Хотелось бы исследовать ему!

Постель на железной койке старательно заправлена по-матросски, «конвертиком»: видно, и тут хозяин комнаты не изменил своим привычкам. На стенах — фотографии кораблей, на которых доводилось ему плавать, в углу — небольшой железный сундучок.

Однажды Никифор Алексеевич открыл его, достал оттуда золотую медаль и серебряный Георгиевский крест.

Егор ахнул:

— Откуда это?..

— От Академии наук, — ответил Беги-
чев. — За поиски Толля. А Георгий — за рус-
ско-японскую войну.

Уступая настойчивым просьбам друга, он стал рассказывать более подробно...

2

21 июня 1900 года яхта «Заря» Русской полярной экспедиции Академии наук отправилась на Север на поиски легендарной «Земли Санникова». Во главе экспедиции стоял ученый — Эдуард Толль. Ботсманом на судне был Никифор Алексеевич Бегичев.

В середине августа яхта прошла остров Диксон и направилась вдоль Каменных островов. Путь с каждым днем становился труднее, судно ежеминутно могло сесть на мель.

Наступил сентябрь. Все чаще тянулись по небу вереницы диких гусей и уток, уле-

тающих на юг. Дни становились короче. Берега и вся тундра покрылись снегом. Навстречу кораблю стали попадаться острова сплошного торосистого льда, они мешали дальнейшему продвижению на Север.

Приближалась полярная зима.

Вместе с начальником экспедиции Толлем Бегичев почти ежедневно отправлялся на простом вельботе в море, чтобы определить возможность удобного выхода из ледяного плена. Но повсюду, сколько хватал глаз, лежали льды: пути на Север не было. Тогда «Заря» повернула к югу и в Таймырском проливе стала на одиннадцатимесячную зимовку.

Пока ученые вели наблюдения, Никифор Алексеевич занимался хозяйственными и судовыми делами. Надо было установить палатки, помочь в устройстве обсерватории на берегу, позаботиться о топливе для пассажирских помещений и кухни корабля.

По утрам Бегичев готовил собачью упряжку и отправлялся на материк в поисках драгоценного топлива — плавника. Иногда его заставляла пурга, и тогда часами приходилось блуждать в сплошной снежной пелене, а то и по суткам отсиживаться в сугробах.

Так проходили дни.

Только в конце августа 1901 года «Заря» сумела вырваться из ледяных оков. Обогнув Таймыр, пройдя мыс Челюскин, она через несколько часов уже бороздила волны моря Лаптевых.

Стоя на палубе, Бегичев смотрел вдаль, туда, где скрылись очертания мыса. В его

воображении возникала коренастая фигура Семена Челюскина, штурмана великой Северной экспедиции. Сколько сил было потрачено им, какие невероятные лишения пришлось испытать, прежде чем он достиг, наконец, этого мыса! То на собаках, то пешком, выбиваясь из сил, Челюскин все-таки добрался до самой северной точки Таймырского полуострова.

Великая Северная экспедиция была снаряжена Петром I.

Мужественные исследователи за десять лет — с 1733 по 1743 год — сделали немало выдающихся открытий, явившихся началом дальнейших научных изысканий, дальнейшего освоения земель, затерянных в северных широтах.

Вспомним славные имена первопроходцев.

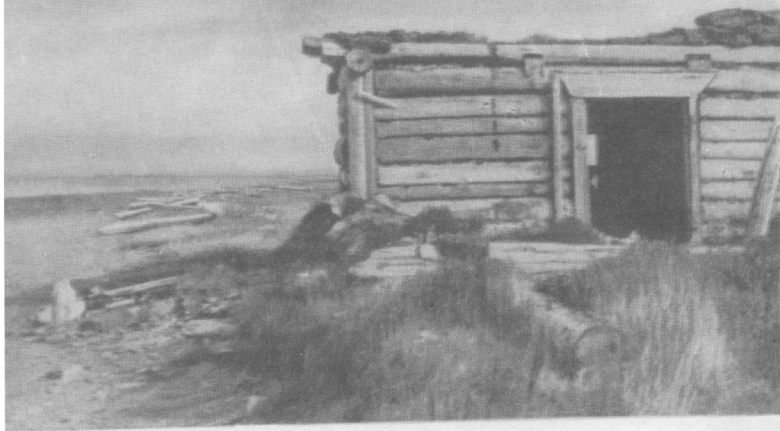
Лейтенант Овцын, Кошелев и Лескин открыли морской путь через Обь в Енисей. Минин и Стерлегов нашли выход из Енисея в устье реки Пясины, повторив плавание торгового человека Кондратия Курочкина, совершенное им еще в 1616 году. Харитон Лаптев впервые нанес на карту почти все северное побережье Таймырского полуострова — от мыса Стерлегова до реки Таймыры. Лейтенант Василий Прончищев исследовал берега восточного Таймыра и Якутии.

Некоторые из них, вступив впервые в единоборство с Арктикой, погибли, но погибли как истинные моряки, не выпуская штурвала из холодеющих рук. На пустынь-

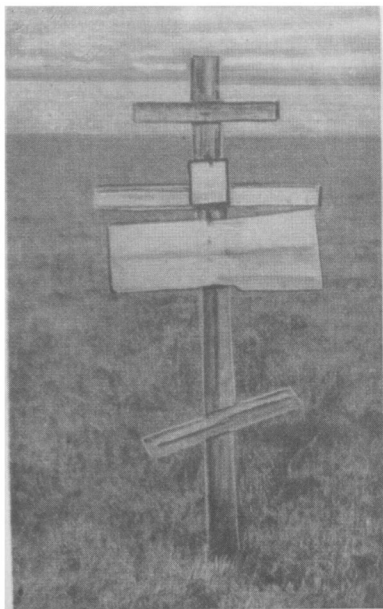

*Игарка.
Мыс Входной.*

*Избушка рыбаков
на месте,
где находилась
стоянка Бегичева.*

*Так выглядела
могила Бегичева
в 1929 году.*

Автор книги
у останков
разбитого
самолета,
на котором
он должен
был лететь
к мысу Входу
в 1944 году.
(Август 1955 г.).

*Пилот Ручкин, командир «летающей лодки»,
доставивший комиссию на мыс Входной.*

Памятник Тессему на острове Диксон.

ном каменистом берегу моря Лаптевых бесстрашно встретил смерть Василий Прончищев вместе со своей верной подругой Марией, первой из русских женщин ступившей на зеленоватые льды Арктики, проникшей в ее суровые просторы.

Быть может, и ему, Бегичеву, суждено нанести на карту новые, еще неизвестные земли, еще не открытые острова и реки?

А «Заря» плыла все дальше и дальше. Обогнув берега восточного Таймыра, яхта взяла курс к Новосибирским островам.

Где-то здесь, как предполагал Толль, находилась загадочная «Земля Санникова».

История ее такова.

В 1811 году усть-янский промышленник якут Яков Санников заметил неподалеку от острова Котельного очертания какой-то земли. Никто не знал о ее существовании. Санников решил проникнуть туда, но льды, как он впоследствии объяснял, помешали ему осуществить это намерение.

Так родилась легенда о загадочной «Земле Санникова».

Молва о ней не только не утихла, но, наоборот, с каждым днем разрасталась. Наконец этим заинтересовалось Адмиралтейство. Десять лет спустя лейтенант Анжу возглавил экспедицию Адмиралтейства.

Экспедиции надлежало отправиться в полярное плавание к острову Котельному, найти и исследовать таинственную землю. Лейтенант Анжу добрался до острова Котельного, несколько десятков километров прошел по морскому льду, но, несмотря на хорошую по-

году и отличную видимость, никакой земли так и не обнаружил.

На протяжении многих лет после плавания Анжу среди ученых шли споры. Высказывались самые различные предположения: одни утверждали, что «Земля Санникова» существует, другие полагали, что это — миф.

Спустя три четверти века после «открытия» Санникова геолог и натуралист Эдуард Васильевич Толль вместе с доктором Бунге, руководителем экспедиции Академии наук, обследовали Новосибирские острова.

Молодой ученый, впервые отправившийся в столь далекое путешествие, увидел к северу от Котельного очертания какой-то земли. Он не сомневался, что это и есть так долго разыскиваемая «Земля Санникова», открытие которой оставалось мечтой всех полярных исследователей и мореходов. Осуществление этой мечты стало целью всей жизни Эдуарда Толля. И теперь, в последнее путешествие к острову Котельному, он был уверен, что нанесет на карту таинственную землю и тем самым сумеет опровергнуть доводы своих противников...

Между тем короткое полярное лето кончилось. Снова наступила зима. Пришлось зазимовать близ острова Котельного. Здесь участники экспедиции и встретили новый 1902-й год.

Толль волновался. Часами ходил он по палубе замерзшего судна, нервно теребя свою жиденькую бородку. Им владели невеселые думы: в районе Новосибирских островов «Земли Санникова» не оказалось. Неу-

жели он так жестоко ошибся? Неужели все трудности и лишения, которые он сам испытал в этом плавании и на которые обрек своих товарищей, оказались напрасными? Нет, не может быть! Ведь он сам, своими глазами видел очертания неведомого материка.

Нет, он не мог ошибиться. «Земля» существует. Он найдет ее!

В начале июня Толль вместе с астрономом Зебергом и двумя каюрами-якутами решил отправиться по льду на остров Беннета. Подготовили собачьи упряжки, на всякий случай захватили с собой и байдарку. Отважного ученого пытались отговорить от столь рискованного предприятия, но он твердо стоял на своем.

Наступил час, когда легкие нарты тронулись с места и гортанный окрик каюра раскатился по тундре. Нарты помчались вдоль берега, увозя Толля к острову Беннета.

Больше в живых его не видели.

Прошло два месяца. Судно экспедиции, пробившись сквозь льды, направилось на поиски пропавших, но ни с севера, ни с востока подойти к острову было невозможно. Не удалось обойти его и с северо-запада. Пришлось повернуть на юг, к бухте Тикси. Здесь моряков ждал пароход «Лена».

3

Никифор Алексеевич Бегичев, возвращаясь в Петербург, получил отпуск и поехал в свой родной городок Царев, где не был вот уже семь лет. За это время умер отец, а

мать тяжело болела. Нахлынули на Бегичева хозяйственные заботы. Но недолго пришлось ему побыть в родимом доме: вскоре получил он телеграмму с вызовом в Петербург.

Академия наук решила снарядить экспедицию на розыски Толля и его товарищей. Где же они — на острове Беннета или уже в другом месте? Да и живы ли? Эти вопросы волновали прогрессивную общественность России.

С великим трудом, преодолевая бюрократические рогатки царских чиновников, удалось создать два экспедиционных отряда — сухопутный и морской.

Начальником морского был назначен лейтенант А. В. Колчак, будущий адмирал. К тому времени он стал незаурядным полярным исследователем-гидрографом, а за два года до начала первой империалистической войны был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Судьба этого человека, ставшего впоследствии злейшим врагом молодого Советского государства и кровавым палачом в Сибири, общеизвестна. Уже будучи арестованным, незадолго до расстрела, Колчак на допросах Чрезвычайной следственной комиссии в Иркутске неоднократно упоминал имя Бегичева, который спас его от гибели во время поисков группы Толля*.

Когда была сформирована экспедиция, лейтенант Колчак испугался трудностей, ли-

---

* В книге «Допрос Колчака», изданной в 1925 г. в Москве Центроархивом, фамилия Бегичева дана неправильно — Беличев (Прим. автора).

шений, возможной голодовки и еще в начале путешествия предложил вернуться обратно. Бегичев не согласился с ним и фактически стал во главе морского отряда. Он должен был переправиться зимой со шлюпкой на остров Котельный, а оттуда, когда море очистится ото льда, плыть к острову Беннета. Никифор Алексеевич предложил взамен шлюпки взять вельбот с яхты «Заря», что зимовала в бухте Тикси.

В конце февраля 1903 года морской отряд, возглавляемый Бегичевым, отправился на Север.

В апреле собачьи упряжки доставили путешественников в бухту Тикси, а в июле, когда море вскрылось, тронулись на вельботе дальше.

Погода не благоприятствовала: дул сильный ветер, метели затрудняли и без того нелегкий путь, не давая приблизиться к берегу. Для ночлега пришлось ставить палатки прямо на льдинах. Продовольствия было недостаточно, и Бегичев установил всем жесткий паек.

Унылый вид открывался с борта вельбота: на сотни километров — морские просторы с белеющими кое-где островками льда, скалистые берега, а за ними — бесконечная тундра без каких-либо признаков человеческого жилья. Только в начале августа, используя неожиданно тихую погоду, отряд достиг Благовещенского пролива и направился к мысу Высокому.

Сперва ничто, казалось, не угрожало: ветер небольшой, море спокойно. Однако постепенно погода менялась к худшему. На

другой же день попали в шторм. Волны грозили опрокинуть судно, казавшееся скорлупкой среди разбушевавшейся стихии. Ледяная вода с грохотом укрывала изнемогавших гребцов.

Борьба с разгневанным океаном продолжалась целые сутки. В оледеневшей одежде, вконец измученные, чудом добрались смельчаки до мыса Высокого.

С вершины мыса открылась чистая полоска воды.

Не теряя времени, Бегичев предложил немедленно выходить в море и следовать к острову Беннета.

Продвигались с трудом: мешал сильный туман. Когда кто-либо уставал грести, его сменял другой. Увидев впереди огромную льдину, Никифор Алексеевич приказал перебираться туда.

Так и сделали. Перетащили на льдину вельбот, разбили палатку, наскоро поели и улеглись. Ночью льдину переломило большой волной и вельбот покатился в воду. Еле удалось его спасти.

На дрейфующей в открытом океане льдине добрались кое-как до острова Беннета. Здесь, установив палатку, заночевали, а утром направились на поиски.

Было довольно тихо. Щедро светило солнце. Над головой призывно кричали птицы.

Бегичев пристально разглядывал в бинокль остров, но там было пустынно, мертво. Ничто не указывало на присутствие человека. И вдруг он воскликнул:

— Изба!..

Действительно, впереди ясно проглядывались очертания избушки, стоявшей на вершине мыса. Волнение сжало сердца матросов. Сейчас они узнают все.

Со всех ног люди бросились к избушке. Но смутное чувство тревоги овладело моряками: над крышей не вилась тонкая струйка дыма.

Бегичев зажег свечу и при ее мерцающем свете увидел груды снега и под ними — клочья одежды, инструменты. Все тотчас же стали разгребать снег. Обнаружили обувь, ружья, одежду, несомненно принадлежавшие Толлю и его спутникам. Нашли письмо Толля, адресованное Академии наук. Оказалось, что ученый со своими спутниками около десяти месяцев назад покинули остров Беннета и направились на юг, к острову Новая Сибирь.

Теперь не оставалось никаких сомнений, что Эдуард Толль погиб. Отважный исследователь отдал свою жизнь благородной, заманчивой, но, к сожалению, неосуществимой цели — найти легендарную «Землю Санникова».

Дальнейшие поиски были бесцельны. Подняв на вельботе паруса, моряки поплыли в обратный путь.

Только в конце декабря 1903 года оба отряда — сухопутный и морской — встретились в Якутске. Здесь Никифор Алексеевич узнал о начале русско-японской войны и выехал в Порт-Артур, чтобы вступить в ряды моряков Российского флота.

Его назначили боцманом на миноносец «Бесшумный».

21 мая 1904 года при выходе в море миноносец наскочил на японскую мину. В правом борту образовалась глубокая пробоина. Вода начала заливать кочегарку, некоторые машины вышли из строя.

Рискуя жизнью, Бегичев с несколькими матросами стал заделывать пробоину. Наложив внешний пластырь, он спустился в кочегарку: вода продолжала прибывать.

Лихорадочно работая, Бегичев навел внутренний пластырь. Корабль был спасен и благополучно возвратился в гавань.

За этот подвиг Никифор Алексеевич был награжден Георгиевским крестом четвертой степени.

В 1906 году, после демобилизации из флота, Бегичев прибыл в Петербург и прямо с вокзала направился в Академию наук. Встретили его сердечно, поздравляя с благополучным возвращением, вручили золотую медаль Академии наук, присужденную ему за помощь, оказанную в поисках экспедиции Толля.

Никифор Алексеевич мечтал о какой-либо новой экспедиции, однако этим надеждам не суждено было осуществиться. Прожив более месяца без дела, он покинул столицу и выехал в родной Царев.

Погостив у матери и приведя в порядок запущенное хозяйство, Бегичев собрался во Владивосток, так как получил приглашение поступить на сверхсрочную службу в морской флот. Надо было чем-то жить, помогать матери, братьям. И в это время он

встретился с одним из своих старых полярных друзей — матросом Толстовым, который когда-то зимовал на яхте «Заря». Толстов предложил вместе отправиться на Север.

«Я решил вернуться на старые места,— писал Никифор Алексеевич впоследствии,— к берегам Ледовитого океана, где чувствовал себя ни от кого независимым и совершенно свободным гражданином».

Так он и попал в Дудинку.

Так он встретился с Егором Кузнецовым, которому и рассказал об удивительных событиях своей жизни.

4

Дудинка Бегичеву понравилась. Он решил прочно обосноваться здесь.

Как только наступила зима, Никифор Алексеевич купил балók*, несколько оленей, приобрел в тундре у охотников-нганасанов снасти и вышел на промысел.

Жители тундры вскоре узнали и полюбили Бегичева. Да и как было не полюбить такого человека! Превосходный охотник, он хорошо ориентировался в этом глухом краю, сердце его было открыто для всех. Всегда он делился с долганами и нганасанами добытым мясом, каждый, кто заезжал при случае в его балók, всегда мог рассчитывать на добрую встречу и угощение. Здешним людям Никифор Алексеевич ничем не напоминал хитрых и жадных купцов, что беззастенчиво обманывали и спаивали их.

---

* Балók — утепленный домик, установленный на санках.

Все, что добывал Бегичев, было добыто его собственными руками, его трудом.

И от чума к чуму, от стойбища к стойбищу летела по тундре молва о добром и смелом русском человеке, о преданном и искреннем друге всех долганов, ненцев, нганасанов. Естественно, что и они помогали Бегичеву, чем могли. Научили управлять аргíшем*, ловить ма́утом** оленей и без промаха стрелять на бегу. В его пасти попадалось много песцов, он удачно рыбачил.

Странствуя, немало чудесных легенд услышал Никифор Алексеевич.

Оленеводы Авамской тундры поведали ему о замечательном озере Таймыр, берега которого покрыты яркими цветами. За озером начинается хребет Бырранга, якобы совершенно недоступный человеку.

А однажды в чуме старого долганина ему довелось услышать рассказ о таинственной «Земле Дьявола», откуда никто не возвращается домой. Стерегут этот пустынный остров шаманы.

Бегичев заинтересовался этой историей. Трудно, правда, было решить: где тут истина, где — вымысел. Все же старик более или менее точно указывал местоположение загадочной земли. Он сказал, что остров назван именем охотника Сизоя (очевидно, Сысоя), который отправился туда промыслять и не вернулся. Находится же остров против Хатангского залива, неподалеку от

---

* Аргíш — упряжка из нескольких оленьих санок.

** Ма́ут — тонкая веревка из оленьей замши, которой ловят оленей.

полуострова Юрунг-Тумус. Днем и ночью оберегает его Соляная Сопка — Тус-Тах, так называл ее старик, и зверя там много. Однако горе тому, кто осмелится пойти туда!

И Никифор Алексеевич загорелся: надо во что бы то ни стало самому узнать, действительно ли существует такой остров. Подумать только: есть земля, до сих пор не нанесенная на карту! Мимо острова проходили суда великой Северной экспедиции, позже в тех местах плавал Норденшельд, а еще позже — геологическая экспедиция Толмачева... Как же никто не заметил этот таинственный остров?

Итак, скорее — туда!

Кочуя в тундре, проверяя пасти
И шкуры добывая и меха,
Нашел он дружбы бескорыстной счастье
В ненецких тундрах, в стойбищах саха.

Везде, везде он гостем был желанным,
Найти дорогу к каждому сумел.
Обветрилось в скитаньях постоянных
Его лицо и голос огрубел.

И как-то раз в заиндевелом чуме
Седой долган, от водки охмелев,
Ему заветную поведал думу
О дальней, богом проклятой земле,

О том, что за хребтами Путораны,
Где побережий пепельный гранит
Внимает пенным волнам океана,
Угрюмый «Остров Дьявола» стоит.

Там в дикой пляске, устали не зная,
Шаманит круглосуточно пурга,
Там днем и ночью сопка Соляная
Немые охраняет берега...

«Туда, туда!»
И радость и тревога
Теснятся в сердце. Трое храбрецов
Немедля снарядились с ним в дорогу —
Семенов, Гаркин, верный Кузнецов.

Метет по насту мерзлому поземка,
Созвездия качаются слегка,
Полосьев скрип, да снег в лицо, да громкий
Гортанный, хриплый крик проводника.

Туда, туда, на край земли и света,
Где моря Лаптевых гремит волна,
Безлюдной тундры разгадать секреты,
Узнать на деле, какова она.

Никто, никто не озирался робко,
И все ж, когда в арктической ночи
Глазам предстала Соляная сопка,
Когда над нею вспыхнули лучи

Сполохов многоцветных, и олени
Остановились, — холод пробежал
По лицам путников. И в удивленьи
Друг другу каждый молча руку сжал.

Конец пути... Два месяца минуло,
Как Хатангу покинули они.
От злого ветра почернели скулы,
В глазах потухли дерзкие огни.

Но как отрадно, что не сдали нервы!
И, переправившись через залив,
Он, Бегичев, ступил на берег первым,
России землю новую открыв...

Странствуя, Никифор Алексеевич почти
всегда вел дневник. Он и на этот раз не
изменил своей привычке.

Вот как он описал историю открытия и
исследования неизвестного острова в Хатанг-
ском заливе:

«Весной 1907 года, вернувшись из тунд-
ры в Дудинку, я сел на пароход и двинулся

в Красноярск. Там купил все, что мне надо было для экспедиции на остров, и осенью поехал обратно.

Сразу же стал снаряжаться. Но людей найти было трудно... Нашелся один желающий — туринский мещанин (Тобольской губернии) Николай Николаевич Семенов. Кроме того, нужно было еще одного туземца. Тогда я на Хатанге нашел долгана Диомида Укусникова. Вот и весь состав нашей экспедиции.

План у меня был такой: добраться до острова на оленях и там с ними летовать. Олени были куплены и отправлены к устью реки Анабар заблаговременно, провизия — тоже.

В 1908 году, в последних числах февраля, мы все трое выехали на Анабару. Дошли до нее 28 марта и остановились дожидаться теплого времени в чуме якута Диомида Поротова.

9 апреля началось передвижение к морю, а 13 апреля мы уже остановились в 20 верстах от берега.

Всю дорогу мы занимались охотой на диких оленей, но добычу отдавали туземцам. Дикий олень у них считался самым первым кушаньем... Из-за мяса и оленьих шкур со мною шло несколько чумов якутов вплоть до моря.

30 апреля с высокого берега я увидел в бинокль гору безымянного острова. По буссоли взял на него направление и поехал на оленях в легких санках один. Через 12 часов езды я добрался до южной оконечности острова и тут же посмотрел — есть ли на

нем корм для оленей? Оказалось, есть. Пробывши на острове с час, я вернулся на материк.

13 мая мы трое с 24 оленями и груженными нартами выехали совсем. Через 18 часов езды морем пришли на остров и пустили оленей пастись. К шеям их привязали ремнями палки, чтобы не ушли далеко. Поставили палатку.

17 мая. В полдень увидели гусей. День был теплый. Снег таял. На острове показалось много черновин-проталин. Я решил объехать остров кругом по льду морем.

21 мая. Пошли на запад. Проехав двадцать верст, остановились ночевать.

22 мая. Утром я открыл двери палатки и посмотрел, где пасутся наши олени. Но их не было видно. Зато увидел волка шагах в 500 от палатки. Взял винтовку, выстрелил, и волк убежал в глубь острова. Товарищи мои проснулись и стали одеваться. Выйдя из палатки, я увидел другого волка, бегущего прямо на нас. Снова выстрелил. Волк кинулся назад, но скоро упал. А мы отправились на поиски оленей. Нашли только следы: волки угнали их на материк. Я и Диомид пошли морем по следам. Часов через шесть мы настигли оленей в море, в густом торосе. Все были целы. По всей вероятности, волки боялись привязанных к шеям оленей палок. Мы отделались очень счастливо.

25 мая. Пошли дальше на запад. Прошли 12 верст.

26 мая. Ходили на охоту. Я убил дикого оленя, Семенов — двух гусей. Прошли 21

версту. Один из нас все время шел с шагомером по берегу и определял расстояние. Я вел съемку острова буссолью.

Снег на равнинах и на сопках местами растаял. В этом году весна ранняя и теплая. Всюду много гусей (до пяти пород), уток, гаги, куликов (тоже несколько пород).

Поставили палатку. Отсюда я увидел против Хатангского залива остров Святого Николая*.

28 мая. Поехал на оленях на остров Святого Николая. Он оказался небольшим. Северная часть его — высокая, с глинистым обрывом, а юго-восточная — песчаная. В окрестности остров 30 верст.

В этот же день вернулся обратно.

29 мая. Пошел дальше. Семенов идет пешком по берегу, а Диомид гонит оленей. Прошли 23 версты и остановились.

30 мая. Двинулись на север — вдоль берега по льду. Маленькие речки и ручьи наполнились водою. Поверх льда тоже вода. Пройдя 25 верст, остановились. Дневали. Я ходил пешком по острову на север. 15 верст прошел обрывистым каменистым берегом. Местами видел пласты угля. С северного мыса в направлении на норд я увидел в море очень скалистый остров. Опеленговал его и вернулся в палатку.

3 июня. Прошли северную оконечность острова и двинулись вдоль берега на восток. И здесь на восемь верст тянулся обрывистый,

---

* Этот остров Бегичев назвал в честь своего спутника Николая Семенова. Сейчас он именуется Малый Бегичев (Прим. автора).

каменистый, с прослойками угля берег. Потом оказался пологим.

Здесь дневали пять суток. Я и Диомид съездили на оленях по льду на виденный мною скалистый остров. Путь очень трудный. Местами густой торос и вода поверх льда. Чуть не заливало санки. Ехали до острова восемь часов, а сделали приблизительно 25 верст. Остров я назвал «Броненосцем». Но потом оказалось, что он уже был нанесен на карты под именем острова Преображения.

Мы пустили своих оленей пастись, а сами пошли пешком. Островок оказался четыре версты в длину и две в ширину. Северо-восточная часть его обрывалась в море каменной скалой высотой в 150 метров. По всему скалистому берегу на протяжении четырех верст гнездятся кайры и чайки. Этих птиц здесь до того много, что можно подумывать, что они собрались сюда со всего Ледовитого океана.

Диомид даже перепугался:

— Надо скорее ехать, а то заклюют!

Все же мы обошли остров кругом. Я взял в скалах несколько камней и стал их разбивать. В них оказалось много окаменелых раковин. Я выбрал несколько камней и увез с собой...

9 июня. Прошли 20 верст. Поднялся такой густой туман, что ничего не видно. Я пошел пешком выбрать хорошее место для стоянки, но куда ни пойду — везде песок, корма для оленей нет. Далеко ли тянется песок — не разобрать. Вернулся обратно и верстах в пяти остановился.

Поставил палатку, наварил гусиных яиц. Семенов, который шел краем берега, скоро наткнулся на палатку, а Диомида с оленями не было. Только когда туман рассеялся, я увидел в бинокль его оленей за несколько верст от палатки.

12 июня. Половина оленей куда-то ушла. Искали и не могли найти.

15 июня. Пошли дальше только на 12 оленях. Я шел пешком по острову и много набрал гусиных яиц. Сделали 35 верст. На ночевку встали у большой реки, которую я назвал Семенкой. Здесь дневали.

17 июня. Пройдено 45 верст. Встали возле развалин избушки, неизвестно кем и когда построенной. В избе я нашел пять топоров, похожих на алебарды, и шахматную фигуру из мамонтовой кости. Очевидно, изба построена очень давно, и не туземцами, а русскими.

Через неделю море в проливе взломало. Лед носит течением взад и вперед. Значит, по льду идти уже нельзя. Хорошо, что до того места, откуда мы шли кругом острова, уже недалеко.

26 июня. Семенова и Диомида с оленями отправил прямо через тундру перерезать мыс. Наказал остановиться там, где мы стояли, придя на остров в первый раз. А сам пошел пешком вокруг мыса.

Южная оконечность острова обрывиста и камениста. Берег высокий. С него виден мыс Нордвик, до которого недалеко — верст десять. Берегом же пошел на запад. Пройдя всего 16 верст, оказался на том месте, откуда мы начали свой обезд.

По моему подсчету, остров занимает в окружности 285 верст»*.

5

Итак, рассказ старого долганина не оказался выдумкой.

Но еще тогда, когда Бегичев двигался на легких санках, запряженных четверкой оленей, к Хатангскому заливу, надеясь отыскать остров, по всей тундре шла «говорка» (весть), что «море-люди» отправились в Тус-Тах, к таинственной «Земле Дьявола», и, конечно, никто живым оттуда не вернется. Северяне уже заранее решили, что отважных следопытов настигнет жестокая смерть, прежде чем им удастся ступить на проклятую землю.

А между тем, Никифор Алексеевич уже третий месяц находился на этом острове и все время занимался исследованиями.

Так, в одном месте ему удалось обнаружить пласты хорошего каменного угля, в другом он нашел несколько бивней мамонта и много костей давно вымерших животных. Останавливаясь на ночевку, путники топили жестяную печурку каменным углем, который и в костре горел хорошо.

Однажды Бегичев обнаружил, что съемка острова Святого Николая, сделанная им ранее, не совсем точна. Он вновь отправился туда, чтобы исправить ошибку. На маленькой лодчонке в одиночку переправился

---

* На самом деле остров занимает в окружности 180 км, т. е. около 169 верст. (Прим. автора).

через штормующий пролив. Переправа заняла около суток. Выбравшись на берег, Бегичев уточнил съемку и, пользуясь попутным ветром, приплыл обратно, к радости его спутников, уже отчаявшихся увидеть его в живых.

В конце июня группа Никифора Алексеевича достигла юго-восточного берега острова. Здесь он по-прежнему продолжал геологические изыскания и одновременно охотился.

Путешественники охотились и на моржей, которых на южной окраине острова появилось очень много. Но Бегичев вскоре запретил эту охоту: слишком легкой, бесцельной была она.

В одну из поездок по острову Никифор Алексеевич заметил выходы нефтеносных пород. Вот как он сам пишет об этом:

«...я зашел далеко в горы и заметил, что на высокой сопке из небольшого отверстия течет черная жидкость. Я захотел промерить — глубоко ли отверстие. Палка ушла на полтора аршина и уперлась во что-то твердое — наверное, камень. Я вытащил ее обратно. Она почернела. Я тогда же подумал, что это нефть. Попробовал зажечь ее спичками. Трещит, но не горит. Так и оставил опыты. Но до сих пор думаю, что это была нефть».

В конце сентября, покончив с охотой, отряд перебрался в заранее построенную избушку. Постепенно стали привозить сюда всю добычу. Ее оказалось много: около двух

десятков оленьих туш, сорок пудов мамонтовой кости, образцы камней и ботаническая коллекция.

Через несколько дней выпал густой снег, ударили сильные морозы и кромка льда у берега достигла пяти километров. Однако переправляться было рановато, так как середина пролива еще не замерзла.

Только во второй половине ноября, когда пролив замерз окончательно и можно было без опаски переправиться, островитяне отправились на материк. Олени с трудом тащили санки, нагруженные трофеями.

В пути встретился густой торос. Двенадцать часов люди одолевали его, и, когда, наконец, выбрались, лед неожиданно взломало приливом. Тогда Бегичев на самом высоком торосе сложил всю добычу вместе с нартами, отпряг оленей, а сам на трех санках направился на материк.

Добравшись до залива Нордвик, Никифор Алексеевич увидел, что весь пролив взломало: вовремя выбрались из этой каши!

Все, что было добыто на острове такими усилиями, пришлось бросить на торосах, потому что, замешкайся они хоть на час, их неминуемо унесло бы в море. Удалось только захватить с собой некоторые коллекции.

На берегу сразу разбили палатку. Развели костер, вскипятили чай, сварили мясо,— ведь почти сутки люди ничего не ели.

Назавтра они продолжали путь...

Гордость и радость переполняли сердце Бегичева: покров тайны сорван с «Земли Дьявола»! Неизвестный дотоле остров, никем не нанесенный на карту, открыт и исследо-

ван русским человеком, боцманом-самоучкой. Никифор Алексеевич хорошо понимал, что это открытие имеет немалое значение для отечественной науки.

Отправив Семенова в Дудинку, он вместе с Диомидом Уксусниковым попытался еще раз переехать пролив, чтобы найти оставленную кладь. Но эта попытка ни к чему не привела. После нескольких дней бесплодных скитаний путники вернулись с пустыми руками.

Тогда, оставив Диоида на Анабаре и наказав ему весной возобновить поиски, Никифор Алексеевич возвратился в Хатангу.

Весть о его счастливом возвращении с «Земли Дьявола» мгновенно облетела всю тундру. Многие отказывались этому верить и устремились навстречу отважному следопыту, чтобы увидеть его своими глазами. Везде Бегичев встречал радушное гостеприимство. Северяне старались угостить его самыми вкусными блюдами: оленьим мозгом, печенкой. В каждом чуме ему отводили почетное место: ведь он покорил «Землю Дьявола»!

С тех пор по всей таймырской тундре, по всем необъятным просторам Севера, от Туруханска до Тикси, его стали называть «Улахан Анцыфор» — Большой Никифор.

Все собранные материалы и коллекции Бегичев решил увезти с собой в Петербург, где должен был доложить Академии об открытии острова в Хатангском заливе. Пред-

варительно он подготовил подробную карту.

К этому времени в Хатангу, где остановился Никифор Алексеевич, вернулся Диомид Укусников с радостной вестью: ему удалось найти во льдах залива Нордвик всю добычу, оставленную отрядом на высоком торосе, и переправить на Анабару, а оттуда — в Хатангу. Диомид привез Бегичеву пушнину, медвежьи шкуры, образцы камней. Только мамонтовую кость пришлось оставить в надежном месте, так как невозможно было перевезти на нескольких оленях такой тяжелый груз.

Обрадованный этим известием, Бегичев еще энергичнее стал собираться в дальнюю дорогу.

Нагрузив нарты привезенной добычей, он направился в Дудинку, а оттуда на лошадях — по Енисейскому тракту до города Енисейска. Здесь он удачно продал пушнину и медвежьи шкуры — иных средств для продолжения работы у него не было — и поехал в столицу.

Бегичев прибыл в Петербург во второй половине мая 1909 года. В Академии наук неугомимого исследователя встретили тепло. Академик Чернышов подробно расспрашивал его об острове, обещал всяческое содействие. В Гидрографическом управлении Бегичеву выдали новое ружье и винтовку-берданку военного образца.

Всю зиму 1909—1910 года Никифор Алексеевич провел в Авамской тундре, представляя пасти, промышляя песка. В первых числах февраля 1910 года он снова стал собираться на остров.

В это время в Дудинку подъехали его прежние спутники — Николай Семенов и Диомид Уксуеников. Появилось и несколько новых добровольцев, среди них — приказчик одной из торгующих на Севере фирм Ефим Гаркин. Он горячо упрасивал взять его с собой. Бегичев возражал, ссылаясь на то, что путь опасен. В конце концов Гаркину удалось настоять на своем. На этот раз с Бегичевым отправился и его дудинский товарищ Егор Иванович Кузнецов.

Послав вперед Семенова, Гаркина и Диомида на Анабару с провиантом, Бегичев и Кузнецов спустя месяц выехали вслед за ними. Без особых происшествий группа достигла Анабары, а оттуда добралась до залива Нордвик.

Подъезжая к полуострову Юрунг-Тумус, Бегичев подумал, что название сопки Тус-Тах — Соляная сопка — вероятно, не случайно. Обследовав ее, он убедился, что в ней действительно есть огромные залежи каменной соли. Никифор Алексеевич взял большой чугунный котел, налил туда воды, бросил несколько кусков соли и поставил на огонь. Когда вода закипела, процедил соляной раствор через платок и выпарил. На дне котла блеснул толстый слой чистой соли.

Вот таким способом и научил Бегичев долганов и якутов добывать ее. Местным жителям это пришлось по душе: ведь до этого они покупали соль у купцов втридорога.

Этот случай еще сильнее укрепил авторитет Улахана Анцыфора среди обитателей тундры.

Добравшись по льду до острова, путешественники сразу принялись за дело. Бегичев стал собирать лодку, привезенную им из Хатанги, остальные строили голомó*.

К июню все работы были закончены, и Никифор Алексеевич отправился со своими спутниками в глубь острова. В избе остался один Семенов.

Многочисленные речки, которые попадались по дороге, Бегичев называл именами своих товарищей: речка Диомида, речка Кузнецова и т. д. Во время этого путешествия он нашел почти целиком сохранившуюся тушу мамонта: ребра, лопатки, мясо, брюшину. Собрали много и мамонтовой кости.

Всю добычу решили заблаговременно переправить через залив, но сильное течение помешало осуществить это намерение. Пришлось возвращаться на остров.

Готовясь к зимнему промыслу пушного зверя, островитяне сделали несколько сот пастей. Начало охоты не могло застать их врасплох.

Зима приближалась. Надо было до наступления холодов поскорее закончить научные наблюдения. Путешествуя по острову, Бегичев наносил на карту мысы, заливы, описывал берега, делал промеры глубин. Тем временем остававшиеся дома утепляли избышку, заготавливали дрова, подсчитывали съестные припасы.

Наступила пора темных ночей. И тут случилось несчастье: стая полярных волков

---

* Местное название промыслового жилья.

напала на ездовых оленей и разогнала их по всему острову. Поиски ни к чему не привели. Встревоженный этим Никифор Алексеевич предложил товарищам вернуться пешком на материк: он знал, что остаться в тундре без оленей — верная гибель. Кузнецов и Уксусников согласились, но Семенов и Гаркин категорически отказались. Никакие доводы Бегичева не помогли. Никифор Алексеевич ушел с Кузнецовым на материк, предварительно обеспечив зимовщиков продуктами и боеприпасами.

Судьба оставшихся товарищей тревожила Бегичева. В апреле 1911 года он решил их проведать.

Собаки еле тащили нарты, тяжело нагруженные продовольствием. Пришлось просить местных якутов помочь переправиться через залив.

Доставив Семенову и Гаркину продукты и боеприпасы, Никифор Алексеевич еще раз попытался уговорить их вернуться на материк, тем более что охота у них шла плохо. И все же Семенов и Гаркин опять решили остаться.

Смутное предчувствие беды не покидало Бегичева все это время, и он не находил себе места.

Наконец, в марте 1913 года, взяв с собою Егора Кузнецова, он снова приехал на остров. Со скорбью и горечью убедился Никифор Алексеевич, что его опасения, увы, оправдались. Зимовщики погибли.

«Я зашел в избу, но в ней было очень темно,— записал он в дневник.— Окна были забиты снегом. Я наткнулся на койку, где

лежало что-то твердое. Я вышел и принес свечу, зажег ее. Открыл одеяло — там лежал мертвый Гаркин, а Семенова не было. На столе лежал дневник. Изба была задымленная, пол был изрублен, наверное на топливо, хотя здесь много плавнику. Я стал искать Семенова, но его нигде не нашел. Гаркина я завернул в одеяло и похоронил в погребке...»

Бегичеву стало ясно, что оставшиеся в одиночестве на острове зимовщики вскоре захандрили, ослабли, перестали высматривать пасти и охотиться на дикого оленя.

Эту мысль подтверждает и дневник Гаркина, сохранившийся, к сожалению, не полностью. Из него мы узнаем, что лето 1912 года выдалось удивительно холодным. Уже в июле появились первые признаки зимы: задула пурга, на море появились забереги. И хотя на острове было порядочно диких оленей, зимовщикам удалось убить только трех. В середине августа нагрянула настоящая зима, пришлось сжечь скамейки и табуретки, а в ноябре наступил голод. Семенов заболел цингой.

8 января 1913 года Гаркин записывает:

«У нас голод, вышла вся провизия. Мой товарищ очень ослаб, вести его на материк я не смогу...» *.

У зимовщиков не хватало уже сил высматривать даже ближайшие пасти, в надежде поймать песца и, сварив его, утолить голод. 3 февраля Семенов умер. Гаркин еще

---

* Выдержки из дневника Гаркина даются по книге Н. Болотникова «Никифор Бегичев». М., 1954.

крепился. 17 февраля он занес в дневник:

«Все-таки съездил по-дрова и привез нарточку. Ел оленье камусы и моржовый ремень, на который привязывали собак. Жду людей с материка, но никто не едет. Всеми забытый Гаркин...»

4 марта он записывает:

«Съел только один сухой камус. Жгу в избе пол, выхода нет. Силы оставили меня. Все надежды потеряны, если не приедут люди, хотя бы вы, милый Никифор Алексеевич...»

Если бы знал несчастный Гаркин, что в те минуты, когда он записывал в дневник эти горестные строки, к нему на помощь уже спешил Никифор Алексеевич! Может быть, эта весть придавала бы ему силы, бодрость духа. Но Гаркин ничего не знал. И уже коченеющими пальцами он занес 19 марта в дневник последние строки:

«Едва мог подняться с постели. Печку вчера почти не топил, а сегодня тоже силы нет. Ноги мои на постели не согрелись. Я ожидаю конца существования... Николай Николаевич (Семенов. — К. Л.) помер в проливе между балаганом и речкой Диомида. Около него стоит ружье и на нем часы. В речке Диомида 30 штук песцов лежит».

Отыскав труп Семенова, похоронив его, Бегичев с глубокой грустью покидал остров.

Возвратившись в Дудинку, Никифор Алексеевич узнал, что здесь находится знаменитый норвежский полярный исследова-

тель Фритьоф Нансен, совершавший плавание по Енисею на судне «Омуть».

Улахан Анцыфор познакомился с Нансеном и рассказал ему, что в Хатангском заливе он открыл неизвестный доселе остров, подробно описал, указал приблизительные координаты и протяженность острова.

Нансен не поверил ему. Впоследствии в своей книге «В страну будущего» он писал:

«Когда мы в сумерках собрались вернуться на пароход, к нам подошел на берегу какой-то человек. Оказалось, что он участвовал в экспедиции барона Толля, а также в позднейшей экспедиции на остров Беннета, где искали погибших. Звали его Никифор Алексеевич Бегичев; здесь он дожидался зимы, чтобы отправиться на Хатангу и Анабару. Жил он охотничьим промыслом и много раз пробирался на восток к устьям названных двух рек. Там ему посчастливилось открыть новый остров на 74° с. ш. и 118° в. д. По его словам, новый остров расположен в $3'$ к югу от острова Преображенского, который посетил в свое время Норденшельд. Площадь новооткрытого острова равнялась почти 10 000 кв. верст, причем на протяжении 2 000 кв. верст тянулись, по мнению Бегичева, залежи угля. Для меня оставалось все-таки загадкой, где собственно находится этот остров? На указанной широте и долготе его во всяком случае быть не может, так как там открытое море, по которому мы прошли с «Фрамом» 15 сентября 1893 года...

...Он оставил на острове в прошлом году двух людей, и у него, по его словам, име-

лась бумага за их собственноручной подписью, свидетельствовавшая о том, что они остались там по доброй воле. Вернувшись на остров нынешней весной, он, однако, нашел их обоих мертвыми.

Добрался он туда с запада на оленях. За один месяц добычей его стали восемнадцать белых медведей; кроме того, он видел на берегу моржей. Я спросил его, часто ли он пользовался ядом и капканами для ловли медведей и лисиц, но оказалось, что он бил их исключительно из ружья, и уверял, что настрелял за прошлую зиму пушнины на 10 000 рублей...

Он был рослый и крепкий молодец с виду, по крайней мере в сумерках, когда рассказывал обо всех этих чудесах. Гладко бритое, выразительное лицо его слегка напоминало Амундсена, когда тот сбрил себе бороду».

На самом деле ошибся не Бегичев, а Нансен.

Правда, Никифор Алексеевич несколько преувеличил размеры своего острова, но это можно объяснить неточной, разумеется, съемкой и картой, сделанной им. В самом же главном он оказался прав.

Взгляните на карту: против устья реки Хатанги расположен большой остров.

Это — остров Бегичева. Так на всех картах мира осталось имя Никифора Алексеевича Бегичева.

Доклад его в Академии наук вызвал большой интерес среди русских ученых.

Смелый полярный следопыт стал известен всему научному миру России.

Зиму 1914—1915 года Бегичев проводил в Авамской тундре. Незадолго перед этим он женился и жил с семьей на станке Медвежий Яр.

Промысел песка в тот сезон был исключительно удачным. Каждый день Никифор Алексеевич возвращался с богатой добычей. Он уже подумывал о том, чтобы летом продать меха, купить дом в Дудинке и перебраться туда, так как жена ждала ребенка.

В начале 1915 года на станок примчался нарочный из Туруханска и вручил Бегичеву телеграмму из Петербурга. Гидрографическое управление извещало, что ледоколы «Таймыр» и «Вайгач» Русской гидрографической экспедиции под начальством Б. Вилькицкого затерты льдами в Карском море и вынуждены зазимовать у западных берегов Таймыра. Радиоустановки на этих кораблях были настолько маломощны, что не могли связаться даже с ближайшей радиостанцией. Топлива оставалось в обрез, как и продовольствия. Среди членов команды началась цинга.

Матросам и научному совету экспедиции грозила опасность погибнуть, а сообщить о своем бедственном состоянии и просить помощи они не имели возможности.

К счастью, в это время вблизи мыса Вильда зазимовало судно Русской полярной экспедиции «Эклипс» под начальством норвежского полярного исследователя Отто Свердруп. Расстояние от «Эклипса» до ледокола было небольшим. Телеграфист «Тай-

мира» услышал работу радиостанции «Эклипса». Немедленно установили связь.

Гидрографическое управление решило организовать санную экспедицию на собаках или оленях к мысу Штеллинга на помощь зимующим морякам. Но кто мог бы возглавить такое опасное путешествие через всю таймырскую тундру? Не сговариваясь, ученые пришли к одному выводу: Бегичев.

К нему и обратились с предложением снарядить такую экспедицию на двухстах оленях к мысу Штеллинга, чтобы вывезти заболевших матросов на Большую землю.

Никифор Алексеевич ни минуты не колебался. Он лишь попросил немедленно перевести десять тысяч рублей для закупки санок, оленей, продовольствия, одежды. А сам выехал в тундру — класть «говорку», просить содействия у кочевников.

Большая любовь, огромное уважение, которыми он пользовался среди народов Севера, помогли ему быстро собрать не только две сотни, а целую тысячу оленей. Его не смутило такое количество: он знал, что в пути возможны всякие осложнения — и падеж, и потребность в мясе, и другое.

Каждый нганасанин, услышав от Улаха-на Анцыфора весть о том, что он идет на помощь «море-людям», терпящим бедствие, тотчас же отдавал самых лучших, откормленных оленей, не спрашивая о цене. Честность Бегичева была известна всем.

Купив и заарендовав в Авамской тундре оленей, Никифор Алексеевич приехал в Дудинку за денежным переводом. Отсюда он отправил неизменного друга Егора Кузнецо-

ва к нганасанам с поручением заранее подготовить необходимое количество санок, а в конце марта выехал вслед за ним: надо было торопиться. Приближалась весна, а с ней и распутица.

Вначале Бегичев прибыл к озеру Пясина, а в середине месяца уже находился на станке Летовье. Когда все санки были готовы, он велел отвезти их к реке Дудыпте, где должен был ожидать нганасанов.

В конце апреля прибыл нарочный казак и привез Бегичеву почту для моряков «Таймыра» и «Вайгача», а также инструкцию Гидрографического управления.

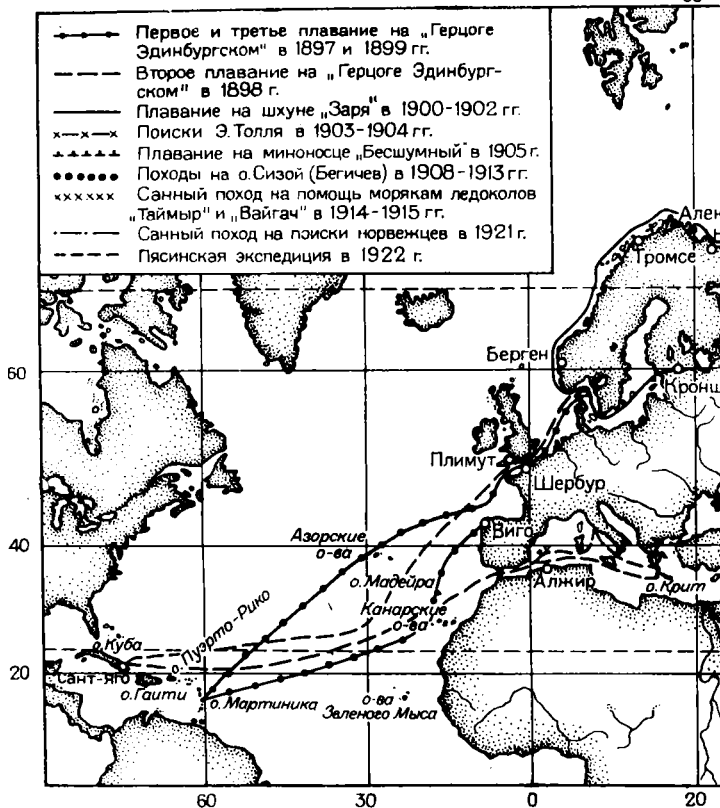
«В инструкции писалось,— вспоминал Никифор Алексеевич,— что я должен пойти на мыс Штеллинга, где зимовало судно «Эклипс» под командой известного норвежского путешественника капитана Свердрупа...

Далее в инструкции писалось, что я должен 15 мая подойти к мысу Штеллинга и взять с «Эклипса» 52 человека из команды «Вайгача» и «Таймыра». Их я должен был вывезти в Дудинку или Гольчиху, а затем вернуться назад на тот случай, если суда не выйдут из льдов и придется вывозить остальную команду и весь состав «Эклипса» в порт острова Диксон.

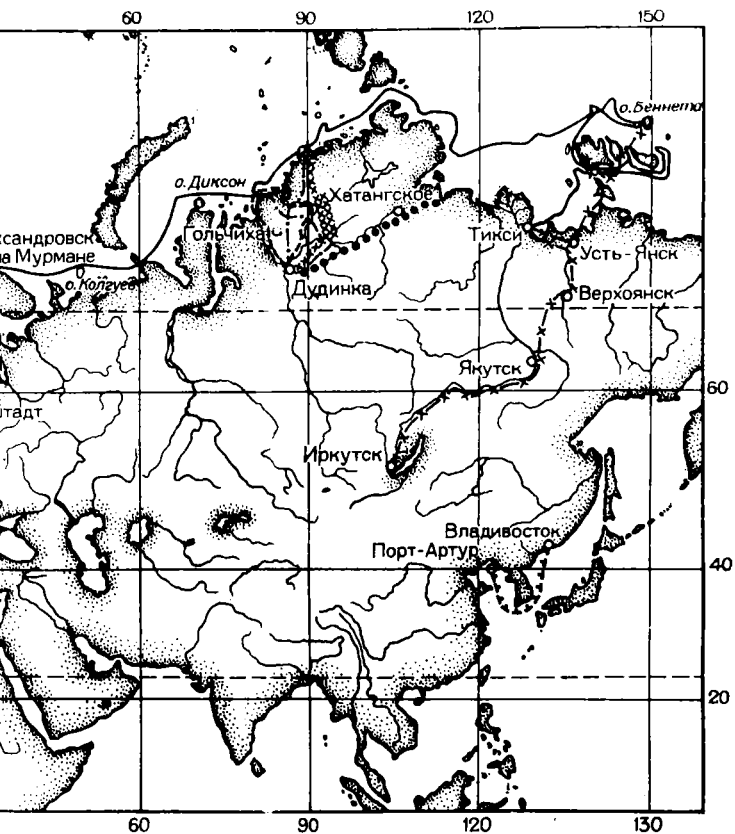
План был таков: из Петербурга на вырубку «Таймыру» и «Вайгачу» идут два ледокола с запасом угля, на Диксоне строятся радиостанция и казармы для зимовки экспедиции. Свердруп с открытием навигации направляется на Диксон, берет оттуда уголь и идет навстречу Вилькицкому. Если Вилькицкий не освободится от льдов до сентября,

*Члены комиссии по расследованию гибели Бегичева
у временного памятника полярному исследователю.*

Карта путешествий Бегичева.

*Василий
Михайлович
Натальченко.
(Снимок сделан
автором книги
в Курейке
в марте 1955 г.).*

*Столетний
нганасан
Сейма Даселедович
Турдагин,
хорошо
знавший
Бегичева.*

то должен бросить суда и со всей командой на шлюпках плыть к бухте Колин-Арчер, куда к этому времени должен подойти с оленями и я.

Было ясно, что на такую экспедицию десять тысяч рублей мало. Нужно взять, по крайней мере, тысячу оленей и гораздо больше нарт. Кроме того, надо устроить по пути экспедиции два склада провизии и несколько складов дров.

Я стал действовать на свой риск. Арендовал тысячу оленей и заготовил 40 нарт, из которых 20 нагрузил дровами, остальные — провизией. Когда все было готово, я отправил жену в Енисейск, а сам 14 мая 1915 года вышел с оленями по направлению на северо-запад.

В запряжке у меня было 250 оленей, остальных гнали табуном».

Между прочим, Гидрографическое управление обязывалось выплатить Бегичеву за организацию этой экспедиции две тысячи рублей, а в случае успеха — представить его «к почетной награде по заслугам».

После двух переездов экспедиция остановилась в устье реки Агапы, впадающей в Пясину. Здесь заготовили на всякий случай дрова и оставили склад провизии.

Невиданный по своим размерам аргйш тронулся в путь.

Наступила весна.

Птицы возвращались на Север. Низко мчались они над тундрой, широко раскинув белоснежные крылья.

Большая стая лебедей перелетала через хребет Бырранга. Птицы летели легко и быстро, радуясь возвращению на родину. А под ними, далеко внизу, в тундре, вырос целый лес оленьих рогов...

Большой аргиш приближается к хребту Бырранга.

В первых санках едет с каюром Бегичев. Он расстегнул парку, снял шапку и то и дело вытирает платком пот, обильно струящийся по лицу. Весеннее солнце основательно прогревает.

Легкие санки везет четверка оленей, но бегут они медленно, тяжело дыша: снег под лучами солнца стал рыхлым, олени все время проваливаются. Чуть позади едут каюры. Так же, как и у Бегичева, в их санках по четверке оленей. За каюрами следуют тяжело нагруженные нарты. А дальше бежит многоголовый табун, подгоняемый пастухами.

На несколько километров растянулся аргиш.

Улахан Анцыфор спешит на помощь бедствующим морякам.

Каждый день похож на предыдущий. Поев и выпив бесконечное количество кружек кирпичного чая, проводники шли ловить оленей. Это занимало обычно часа два-три. После того, как все олени были пойманы и запряжены в санки, каюры снова садились чаевничать. И только потом неторопливо надевали парки и трогались в путь.

К концу мая аргиш добрался до речки Луктах. Здесь Бегичев оставил второй склад продовольствия.

Дальше ехать становилось еще труднее. Снег растаял. Глубокие ручьи преграждали путь оленям. Никифор Алексеевич решил оставить Егора Кузнецова около речки Торей, где тот должен был ожидать спада воды и затем добираться до побережья, а сам на сотне оленей с четырьмя проводниками направился налегке к побережью Карского моря.

В середине июня аргиш пересек хребет Бырранга.

Впервые увидели путники это дикое нагромождение камней, черные бездонные ущелья, острые, отвесные утесы. Нет даже звериных следов, не слышно птичьего крика. Одни голые черные камни, на которых и мох не растет. Мрачная, мертвая гряда скал...

20 июня экспедиция вышла к побережью Карского моря.

В дороге Бегичев обнаружил довольно большую и широкую реку, никем не нанесенную на карту. Впоследствии он назвал ее Тамарой, в честь своей второй дочери.

В одном месте дорогу преградила широкая, бурная река. Лодку, оставленную кем-то на берегу, унесло и выбросило на противоположный берег. Что делать? Как переправиться? Недолго думая, Никифор Алексеевич привязал себя к двум оленям, взял нож и кинулся в ледяную воду. На середине реки олени запутались в веревках. Тогда сильным ударом ножа он быстро разрубил узел и поплыл к берегу. Там он взял лодку и на ней вернулся обратно.

«Проводники мои крепко перепугались,— занес потом в дневник Никифор Алексее-

вич.— Они только тогда пришли в себя, когда я вернулся и сказал: «Давайте переправляться».

Эту реку он назвал Лидией — по имени старшей дочери.

Продвигаясь вдоль реки, Никифор Алексеевич добрался до ее устья, находящегося у западной стороны мыса Стерлегова. С высоты прибрежной сопки открылось Карское море. Но «Эклипса» нигде не было видно. Вероятно, карта, которой пользовался Бегичев, оказалась неточной.

Бегичев повернул на северо-восток и послал одного из проводников навстречу второй партии, чтобы предупредить Егора Кузнецова об изменении направления. Только в начале июля путешественники увидели среди широкого ледяного поля высокие мачты норвежской шхуны «Эклипс».

Неимоверно трудный, редкостный даже в истории Севера переход через всю таймырскую тундру, через бурные и холодные реки, через ее почти недосыгаемый хребет Быранга близился к концу.

Олени помчались во весь опор.

Навстречу Улахану Анцыфору устремились больные матросы с «Таймыра» и «Вайгача». Они приветствовали своего спасителя троекратным ружейным салютом, восторженными криками, качали его, кричали «ура».

Пятнадцатого июля, распрощавшись с норвежцами, Никифор Алексеевич распорядился запрячь оленей, нагрузить нарты и

трогаться в путь. Пятьдесят два человека, вырванных из лап смерти, поступали теперь в его распоряжение. Он должен был доставить их в Гольчиху.

Больные ехали на оленях, а Бегичев и моряки, которые еще могли передвигаться, шли сзади.

Добравшись до реки Тореи, отряд встретил стадо свежих оленей — их пригнали сюда нганасаны по просьбе Бегичева. Кроме того, здесь уже находились четыре лодки, доставленные кочевниками, твердо помнившими указания Улахана Анцыфора.

Погрузившись в лодки, матросы дошли по реке Пясине до устья Агапы, а оттуда — до Гольчихи.

Бегичев, согласно инструкции Гидрографического управления, остался на побережье Ледовитого океана, у мыса Приметного, до 1 октября.

Море лежало у его ног, свободное ото льда, и никаких признаков кораблей не было видно. Значит, они вышли благополучно из ледяного плена.

Только тогда Никифор Алексеевич поспешил домой.

После семимесячных утомительных странствий по тундре 26 октября 1915 года Бегичев увидел, наконец, Дудинку. Здесь он задержался до весны для составления отчета Гидрографическому управлению. В Дудинке он узнал о том, что на острове Диксон установлена радиомачта и с начала сентября 1915 года рация острова вступила в строй.

Отправив в Петербург подробный отчет об израсходованных суммах, Никифор Алек-

сеевич с первым же пароходом уехал в Енисейск, к семье.

Но вместо того, чтобы воздать должное его исключительной самоотверженности, беспримерному мужеству, царские чиновники постарались отравить ему радость возвращения. Горечь и справедливая обида звучат в словах Никифора Алексеевича, занесенных им в дневник:

«...И тут не обошлось без приключений. Когда я сходил с парохода, меня арестовала полиция. Я, конечно, вспылал: на каком основании? Хорошо, что скоро пришел исправник, выяснил дело и извинился...

Через несколько дней в Енисейске я снова встретился с приставом. На этот раз он принес мне письмо. В конверте была визитная карточка какого-то Кушакова. На обороте карточки Кушаков просил меня прийти на пароход «Лена».

Когда я пришел в каюту, он рассказал, что направляется с девятью радиотелеграфистами зимовать на Диксон, и тут же приглашал меня с собой. Я отказался. Тогда он передал мне запрос Гидрографического управления по поводу моей экспедиции. Управление спрашивало, почему я оставил у мыса Вильда 22 нарты, а не взял их с собой? Я, помню, страшно рассердился и послал их всех к черту. Нарты я делал сам из плавника и бросил их потому, что такую тяжесть тащить в лес не к чему. Все равно довелось бы бросить. Если Гидрографическое управление действительно имеет ко мне претензии по поводу этих нарт, то я отказываюсь от всякого вознаграждения.

Кушаков извинился:

— Что вы, Никифор Алексеевич! Это все пустяки. И я здесь совсем ни при чем. Вы составьте на нарты акт и пошлите в Гидрографию.

Я сказал, что никаких актов посылать не буду, и вернулся домой...»

Так «вознаградили» Бегичева за его героический переход через всю таймырскую тундру к Ледовитому океану ради спасения мореходов, попавших в беду.

8

Весть о Великой Октябрьской социалистической революции, об установлении в России Советской власти Никифор Алексеевич встретил в Дудинке, куда переехал с женой и детьми летом 1917 года из Енисейска.

Бегичев почувствовал, что теперь перед такими людьми, как он, раскрываются возможности более широкого применения своих знаний и опыта.

С давних пор он вынашивал в своем сердце мечту об экспедиции на север Таймыра, об исследовании озера Таймыр, на берега которого тогда еще не ступала нога человека, об исследовании дикого хребта Бырранга.

Теперь эта мечта могла стать действительностью.

Уже в 1920 году, после разгрома интервентов на севере России и колчаковских банд в Сибири, в Дудинку начали прибывать суда из Красноярска, а затем — суда первой Карской экспедиции. На берег выса-

живались партии строителей, геологов, гидрографов...

То, что раньше было только подвигом одиночек-смельчаков, теперь становилось общественным, государственным делом.

Никифор Алексеевич глубоко верил в большой завтрашний день Севера. Верил, что молодой Республике Советов пригодятся его опыт, его настойчивость в достижении цели.

И он не ошибся...

А было так... Осталась за кормом
Давным-давно норвежская земля.
Литые льдины, скрежеща и воя,
Теснят, грозят обшивке корабля.

И вырваться невыносимо трудно,
Неумолим, неравен грозный спор.
Встречает грудью маленькое судно
Стихии обезумевшей напор.

Но знает Амундсен, что бурям резким,
Крутым штормам корабль не утратить.
Его не по обычаям норвежским
Он в трудный путь решил благословить.

Плыви, плыви к просторам океанским!
И, нарушая древний ритуал,
В порту бутылку с пенистым шампанским
В честь спуска судна он не разбивал,

А поднял только льда кусок и, в лица
Друзей своих взглянув, проговорил:
— В любых морях лети, корабль, как птица,
Кто смел — тот ничего не утратится! —
И о форштевень судна лед разбил.

И все же долгий опыт и сноровка
Помочь бессильны. Слишком крепок лед.
Как ни вертись, а, видно, на зимовку
Остановиться вынуждена «Мод».

Корабль не выдержит такой нагрузки.
И дальше... Дальше двигаться нет сил.
Но как-то, огибая мыс Челюскин,
Он бухту незаметную открыл.

Измученная плаваньем команда
В честь корабля дала ей имя «Мод»...
И Амундсен, на градусы секстанта
Едва взглянув, из-за стола встает.

Придется, не закончив дрейфа, в этой
Унылой бухте бросить якоря...
До самой полночи тревожным светом
Огни в кают-компании горят.

В стаканах черный остывает кофе
С ямайским крепким ромом пополам.
Над картою — орлиный строгий профиль,
Знакомый с детства по портретам нам.

Да, Амундсен впервые в затрудненье:
Вести борьбу со льдами или нет?
И надо срочно принимать решение,
И надо срочно находить ответ.

Он скоро дальше двинется. Но прежде,
Чем продолжать свой дрейф, на Север
плыть,—
О странствиях своих, своих надеждах
Норвегии он должен сообщить,

Земле...

Но вышла рация из строя.
Семье, друзьям...

Но аппарат молчит.
Найдутся ли в его команде двое,
Которых путь в ночи не устрашит?..

...В 1918 году знаменитый норвежский
полярный исследователь Руаль Амундсен на
шхуне «Мод» совершал дрейф вдоль север-
ных берегов Сибири. У мыса Челюскин путь
кораблю преградили льды. Выбрав удобную
бухту, названную им в честь судна бухтой
«Мод», Амундсен решил здесь зазимовать.

Но богатый, неоценимый по своему значению научный материал, собранный им во время дрейфа корабля «Мод» вдоль северных берегов Сибири, было необходимо отправить в Норвегию для дальнейшей обработки.

Кто же примет на себя риск пройти около тысячи километров по тундре до острова Диксон, чтобы оттуда отправиться в Норвегию?

И такие смельчаки нашлись: моряки Пауль Тессем и Петер Кнутсен.

В своей книге «Экспедиция на «Мод» вдоль северного побережья Азии» Амундсен так рассказывает о своем решении:

«Еще в начале зимы я стал подумывать о том, как бы нам отправить отсюда на родину все наши научные материалы. Материал большой и хороший, и как-то страшно тащить его с собою в Ледовитый океан в многолетний дрейф. Ведь рискуешь утратить его или так или иначе попортить. Да к нашему возвращению он и устареет. Конечно, он все еще останется пригодным, но чем свежее, тем лучше. Правда, для этого нужно было выделить двух человек. Но я исходил из соображения, что оставшиеся восемь человек всегда справятся с работой в течение того короткого времени, какое останется до момента, когда льды окончательно сомкнутся вокруг нас.

Я обратился с этим предложением к Тессему, которого считал наиболее подходящим для этого поручения. Услышав, что он может принести экспедиции большую пользу, он тотчас же согласился. Позже в спутники

ему был избран Кнутсен. Я долго сомневался, какой путь им предпочтительнее выбрать. Если мы рано освободимся из льда, то имело смысл взять их с собой и попытаться войти в связь с внешним миром этим путем. В голове у меня возникали и другие пути и способы, но в конце концов я остановился на плане послать их через остров Диксон. Путь туда около 900 километров, безусловно, самый безопасный и, вероятно, может быть проделан в относительно короткое время... Путь на Диксон я считаю самым безопасным ввиду того, что на этом расстоянии имеется три склада, устроенных в 1915 году Отто Свердрупом для русских экспедиций... Эти три склада позволят нашим путешественникам взять на нарты сравнительно легкий груз. Поэтому окончательный план таков: они дождутся здесь на берегу, пока лед не установится на зиму, что произойдет, по нашим подсчетам, в конце сентября, а затем отправятся на юг. Задача, возлагаемая на Тессема, имеет особо важное значение для нашей экспедиции, и я надеюсь, что ему удастся с ней справиться. Лучшего исполнителя для нее, во всяком случае, нельзя найти» *.

В своем дневнике «С 5 августа 1919 года по 27 июля 1920 года» Амундсен 17 августа записывает:

«Вчера вечером на мой вопрос, кто пожелал бы сопровождать Тессема, назвался Кнутсен, и я принял его предложение. Очень

---

* Р. Амундсен. Собр. соч., т. III, Л., 1936, стр. 278, 286.

грустно расставаться с ним, потому что он и приятный и дельный человек» *.

12 сентября Амундсен вновь пишет о них в дневнике:

«...Тессем и Кнутсен пришли на борт и позавтракали с нами в последний раз» ** .

Итак, наполнив кожаные сумки научными отчетами, двое норвежцев выехали на собаках по направлению к острову Диксон...

Из бухты «Мод» (на долготе сто пятой,
На параллели семьдесят седьмой)
Два человека вышли, как солдаты,
На смертный бой с пустыней ледяной.

...Беда пришла нежданно и тайно.
Вой разбудил немые берега —
Так двух друзей, исподтишка, случайно
Настигла ночью «черная пурга».

К утру, когда немного стихла вьюга,
Полуживой, полуслепой, в бреду,
Поднялся Тессем: ни собак, ни друга...
— Товарищ, где теперь тебя найду?

Но он пошел на поиски. И милях
В семи заметил маленький сугроб.
Разгреб его...

Глаза давно застыли,
И в инее высокий желтый лоб.

Слез не было: он слезы пересилил.
Не чувствуя оледенелых ног,
Он спирт последний из спиртовки вылил
И молча труп товарища поджег.

— Прощай!.. Куда теперь один пойду я?
Молитву на коленях сотворя,
На плечи вскинул сумку вещевую,
В которой два последних сухаря.

---

* Р. Амундсен. Собр. соч., т. III, Л., 1936, стр. 286.

** Там же, стр. 297.

Винчестер бросил (унести не в силах)
И, ковыляя, двинулся туда,
Где гибельные крылья уносила
Внезапная смертельная беда.

Один — и ночь. И ветер, полный гнева.
Один — среди безжизненных равнин.
Куда б ни оглянулся — вправо, влево,
Везде — один. На целый свет один.

Так восемь дней, а может быть, двенадцать,
Он шел в ночи без пищи, без огня,
Уже не в силах на ногах держаться,
Счет потеряв часам и даже дням.

А воля с каждым шагом убывает,
А тундра — широка. А ночь — слепа.
Он спотыкается. Он ждет. Он знает,
Что скоро упадет. И вот — упал...

Так это было или не так — кто знает?
Арктика крепко хранит свои тайны.

Уже наступил 1920 год. «Мод» вырвалась, наконец, из ледового плена. Уже Амундсен через Анадырь связался с внешним миром...

Прошло около двух лет, но никаких сведений о судьбе двух норвежцев не поступало.

Тем не менее Амундсен уверен, что поход его моряков окончился благополучно. 15 июня 1920 года он заносит в дневник:

«Норвежец Лампе Хансен оказался очень полезным моим людям в Анадыре... Вистинг во время своего пребывания на мысе Восточном жил у купца Чарли Карпендэля. Сообщение о том, что никто из них не имел никаких вестей от Кнутсена и Тессема, мо-

жет объясняться только тем, что телеграф на Диксоне не работает. Оснований беспокоиться за них нет» *.

Однако оснований было более чем достаточно. Люди до Диксона не дошли. Видимо, они пропали в бесконечных просторах таймырской тундры.

Но что могла значить судьба двух простых моряков для правительства королевской Норвегии!.. О них давным-давно бы забыли, если бы не настойчивость Нансена и Свердруп, которые подняли на родине кампанию по организации поисков пропавших. Только под давлением широких общественных кругов норвежское правительство, наконец, в ноябре 1920 года обратилось к Советскому правительству с просьбой помочь в розысках.

Советское правительство охотно пошло навстречу этой просьбе. Через Комитет Северного Морского пути оно обратилось к Бегичеву с предложением организовать и возглавить экспедицию.

Как всегда, Никифор Алексеевич ответил полным согласием.

И снова полетела по тундре весть о том, что Улахан Анцыфор собирается к морю и зовет с собою в путь-дорогу каюров, что очень просит пригнать пятьсот оленей... И заскрипели санные полозья по тонкому насту — нганасаны, ненцы, долгане и якуты опять погнали оленьи аргиши на призыв Большого Никифора.

---

* Р. Амундсен. Собр. соч., т. III, Л., 1936, стр. 360.

Совместно с Егором Кузнецовым Бегичев разработал план новой экспедиции — самой сложной из тех, что были до того, и очень ответственной: предстояло восславить доброе имя Советской страны — верного друга всех честных, талантливых, мужественных.

Вкратце план заключался в следующем: вместе с Бегичевым на поиски норвежцев отправляются до мыса Вильда капитан шхуны «Хеймен» (зимовавший около Диксона) по фамилии Якобсен и переводчик матрос Карлсен. Там же, на мысе Вильда, будет разработан дальнейший маршрут.

В начале апреля 1921 года выехал из Дудинки Егор Кузнецов, а вслед за ним Бегичев с Григорием Кайдаловым. В условленном месте их ожидал Кузнецов со стадом оленей.

Разделив стадо на два отряда, из которых один пошел с ним, а второй должен был ожидать у полуострова Михайлова, Никифор Алексеевич направился вместе с Кузнецовым, Кайдаловым и несколькими проводниками к острову Диксон, которого они и достигли благополучно в начале июня.

Отсюда, взяв с собой капитана Ларса Якобсена и матроса Альфреда Карлсена, Бегичев поспешил к мысу Вильда.

Поиски Тессема и Кнутсена начались...

Отряд Бегичева продвигался к реке Пуре, где его ожидали запасные олени. Он послал за ними двух проводников, которые вскоре возвратились с табуном. Но живот-

ные были измучены, и их пришлось оставить на подкормку. Здесь же устроили склад топлива и продовольствия.

Переход к мысу Вильда оказался нелегким. Уже начиналось лето, дождало, снег быстро таял. Олени еле передвигали ноги и падали один за другим. Все время приходилось останавливаться и поджидать свежих оленей. Истомились и люди, особенно доставалось норвежцам, не привыкшим к таким скитаниям в условиях полярной тундры.

Когда отряд добрался, наконец, до мыса Вильда, был уже конец июля.

Здесь Бегичев нашел железную банку, куда была вложена записка Тессема и Кнутсена. Они сообщали, что чувствуют себя хорошо и направляются к Диксону.

Значит, поиски на верном пути!

Между тем, запасы продовольствия с каждым днем уменьшались. Уже давно люди не видели хлеба. Хорошо еще, что попадались дикие гуси и утки, которых добывали Бегичев и Кузнецов,— иначе совсем туго пришлось бы.

10 августа 1921 года отряд подошел к мысу Приметному.

Здесь русские и норвежцы разделились: Якобсен и Карлсен отправились обследовать западную сторону мыса, а Бегичев с Кузнецовым пошли вдоль берега бухты.

Впоследствии Никифор Алексеевич записал:

«Я обошел Глубокую бухту и пошел западным берегом. Вышел на мыс Земляной, высокий, обрывистый, пошел по мысу на норд-вест. Немного пройдя, дошел до окон-

чания мыса. На западной его стороне есть бухта, глубоко вдающаяся в материк на 40 километров к югу. Я пошел на норд. Здесь образовалась коса. Я увидел горелые дрова и подошел к ним.

Там лежали обгоревшие кости человеческие, много пуговиц, пряжек, гвоздей и еще кое-что, патрон дубовый, бумажный и несколько патронов от винтовки. Я их собрал и принес в чум. Хотел было пройти косой напрямик, но оказалось, что здесь есть узкий глубокий пролив. Эта бухта оказалась лагуной. Вернулся обратно в чум той дорогой, которой шел. Пришел в чум, разобрался с вещами. Патроны оказались норвежского образца 1915 года. Тогда я узнал, что здесь погиб какой-то из спутников Амундсена, которых мы ищем.

Пришли в палатку капитан и Альфред. Они видели на Приметном только жженный плавник.

11 августа пошли к тому месту, где я нашел кости человека и остальные вещи. Пришли я, капитан, Альфред и Кузнецов. Нашли еще здесь карманный барометр, перочинный нож, очки, серебряную ложку и еще кое-что. Наверное, один из спутников Амундсена умер, а другой сжег его на костре и пошел дальше.

Мы вырыли могилу, зарыли обгоревшие кости, поставили крест и выбили на цинке надпись. Я поставил свой знак из плавника и вырубил на нем топором дату, когда был на этом месте. Сняли фотографию и вернулись обратно. Вечная память героям-смельчакам!♦

Так Бегичев предположил, что это были останки Петера Кнутсена *.

Преодолевая всевозможные препятствия, отряд Бегичева 12 октября возвратился в Дудинку, пройдя по тундре в общей сложности около двух с половиной тысяч километров.

Никифор Алексеевич, однако, никак не мог успокоиться: где же второй норвежец?

Весной 1922 года, работая проводником в Пясинской геологической экспедиции, руководителем которой был будущий первооткрыватель Норильских месторождений, ныне профессор Н. Н. Урванцев, Бегичев вновь обследовал Пясику и устье реки Торей. На берегу моря участникам экспедиции удалось обнаружить компас, теодолит и два больших пакета с документами за подписью Амундсена. Идя дальше, они нашли две пары норвежских лыж и спальный мешок.

Теперь Бегичеву было ясно, что останки второго норвежца надо искать где-то в районе Диксона.

И он нашел их.

Как-то, отправившись на охоту за дикими оленями, Бегичев, переплывая пролив у Диксона, увидел: что-то белеет на каменном крутом скате небольшого мыса, в нескольких шагах от моря...

---

* По последним данным, собранным Н. Я. Болотниковым, а также опубликованным в газете «Комсомольская правда», это были следы не костра с останками Кнутсена, а следы костра, оставленного кем-то из членов экспедиции Русанова.

Какая свежесть в северном рассвете!
Туги трепещущие паруса,
Как будто в целом неоглядном свете
Лишь пена волн, крутой соленый ветер,
Зари негаснущая полоса...

— Никифор Алексеевич, по-год-ка!
А тот, смертельно побледнев, толчком
Внезапно к берегу направил лодку,
Не спрашивая друга ни о чем.

Причалили...
Смахнув росинки пота,
Бегом поднялся Бегичев на мыс.
Встал на колени... Бреющим полетом
Над ним морские чайки пронеслись.

В такой тиши и сердца стук был слышен!
Здесь Тессем пал.

Ничком.

Лицом к земле.

А если бы чуть-чуть подняться выше,—
Он мог бы мачты различить во мгле.

Над ним два года проносились ветры,
Пурга его отпела и ушла...
Он здесь упал.

Всего в трех километрах
От Диксона.

От жизни.

От тепла.

Шуршат одежды клочья. Сумка — рядом.
В ней письма Амундсена и дневник...
И Бегичев стоит с потухшим взглядом.
Теребит ветер слипшиеся пряди,
Полярных чаек замирает крик.

Так, шапку сняв, угрюмо, на коленях,
Не проронив ни слова, он стоит.
А волны пепельные бьются в пене
О пепельный безжизненный гранит.

И в этот час на берегу залива
Геологу запомнилось навек:
Скелет. И на коленях — молчаливый,
Легендой ставший, русский человек.

Да, так оно и было.

Причалив, Бегичев поднялся на вершину и там, в небольшой расщелине, увидел скелет человека. Рядом с ним лежали золотые часы с выгравированным именем Тессема, золотое обручальное кольцо с надписью «Паулина» (жена Тессема), перочинный нож, лыжная палка, патроны...

Так вот где нашел свою гибель смельчак!

Всего лишь три километра оставалось ему до Диксона, и если бы хватило сил взобраться чуть выше, на вершину мыса, он мог бы отчетливо увидеть мачты диксоновской радиостанции*.

Советские люди бережно сохранили могилу Тессема. Вначале на ней стоял скромный деревянный крест с надписью:

ТЕССЕМ
+1920
МС МОД
НОРВЕГИЯ.

В 1958 году здесь установили гранитный памятник.

...Бегичев вернулся в Дудинку.

За удачные поиски Советское правительство выразило ему в специальном послании горячую благодарность.

---

* По предположениям В. А. Троицкого, как об этом пишет Н. Я. Болотников, Кнутсен и Тессем вместе шли до Диксона, но Кнутсен провалился под лед в Пясинском заливе, близ мысов Полярный и Северо-Восточный, где лед даже зимой бывает слабым и часто взламывается. Тессем вынужден был взять с собой и поклажу своего спутника. Вместе с таким тяжелым грузом он и шел к Диксону, но... не дошел.

В свою очередь, норвежское правительство обратилось к Советской России со словами глубокой признательности за благородную и бескорыстную помощь, оказанную в розысках спутников Амундсена. Никифору Алексеевичу прислали золотые часы с надписью: «Господину Н. А. Бегичеву от правительства королевства Норвегии».

9

Новые замыслы, новые планы дальнейших путешествий волновали Никифора Алексеевича. Все это время он жил в Дудинке. Семья была большая — шестеро детей, жена. Зимой, как обычно, охотился в тундре, промышлял, высматривал пасти, а с наступлением весны отправлялся на охоту за дикой птицей. Он, как и прежде, был деятельным, выносливым, хотя ему шел уже шестой десяток.

В 1925 году Бегичев организовал по договору с дудинским «Сельскосоюзом» первую на Севере промысловую артель по добыче морского зверя, песца и дикого оленя. Артель — ее называли «Белый медведь» — намеревалась отправиться к берегам Ледовитого океана в устье реки Пясины, где Никифор Алексеевич и раньше бывал.

Почему-то в этот раз он отступил от своего правила и принял в артель мало знакомых ему людей. В нее вступили Николай Егорович Семенов, Дмитрий Иванович Горин, Лука Иванович Зырянов, Гавриил Прокопьевич Сапожников и счетовод Енисейского губсоюза Василий Михайлович Наталь-

ченко, проживавший в Дудинке. Уже в пути к ним присоединился молодой эвенк Манчи Анцыферов.

В середине июня 1926 года Улахан Анцыфор начал свое новое и — увы! — последнее путешествие.

До устья реки Половинки, впадающей в Пясино, добрались на оленях, а оттуда продолжали путь на лодках по только что вскрывшейся Пясине.

Последнее путешествие...

Мы мало что знаем о нем. Дневники самого Бегичева, относящиеся к тому периоду, до нас, к сожалению, не дошли. Да и трудно сказать, вел он их тогда или нет. Поэтому многое из того, что относится к последним дням жизни Улахана Анцыфора, приходится пересказывать по книге Н. Я. Болотникова «Никифор Бегичев».

2 августа 1926 года промышленники на лодках достигли устья реки Пясины. Здесь, в семи километрах от мыса, находящегося у входа в Пясинский залив и ныне именуемого Входным, причалили к берегу.

Сразу же принялись строить голомо. Плавника на берегу было вдоволь, и строительство закончили быстро. В голомо установили железную печурку, вдоль стен расположили нары, поставили столик, скамейку. Но это было, конечно, временное жилье. В дальнейшем предполагалось построить избу, и артельщики уже начали заготавливать пригодный лес.

Пока одни занимались лесосплавом, дру-

гие, в их числе и Бегичев, охотились. Добыли много гусей, рыбы, дикого оленя. Казалось, запасов хватит надолго. Это подбадривало людей, так как зима была уже не за горами.

В начале сентября все перешли в новую избу. Там было тепло и, конечно, лучше, нежели в голомо, но сыро. Дерновая крыша протекала, по утрам на мокрых бревнах появлялся иней.

Шли дни... Пяси́на уже надела на себя ледяной покров, и надо было поторапливаться — соорудить пасти, закончить строительство бани, поставить русскую печь.

Шли дни... Мяса и дичи поубавилось, так как зимовщики не ограничивали себя в еде, а охота подвигалась плохо. Десятого октября они в последний раз увидели стадо диких оленей, но лишь одному Никифору Алексеевичу посчастливилось убить важенку (самку оленя). Гораздо успешнее шла добыча рыбы. Занявшись подледным ловом, зимовщики заготовили много муксуна, налима, окуня, сига. Затем начался пушной сезон. Каждый день охотники приносили по несколько песцов.

Но продукты подходили к концу. Иссяк запас галет, сухарей. А вскоре кончилось и мясо, да, как на грех, песцы растаскали всю заготовленную рыбу. Все это вынудило Бегичева установить жесткий суточный рацион.

Однако самое страшное случилось несколько позже: Никифор Алексеевич заболел цингой. Сперва свалился Зырянов, а потом и Бегичев стал замечать зловещие при-

знаки болезни: начали кровоточить десны, опухать ноги.

К концу марта 1927 года голод впервые постучался к зимовщикам.

Тревожась за судьбу доверенных ему человеческих жизней, Никифор Алексеевич решил отправить Натальченко на Диксон, до которого по прямой от мыса Входного было около 250 километров. Сам Бегичев к тому времени уже не мог передвигаться и слег. На ногах появились красные пятна.

Дрожащей рукой написал он свое последнее письмо на имя начальника радиостанции Диксона с просьбой отпустить продуктов, лимонной кислоты, клюквенного экстракта — всего того, что особенно необходимо было сейчас.

Натальченко отправился к острову Диксон на собачьей упряжке...

— Это было 4 мая 1927 года, — пишет в своей книге Н. Я. Болотников. — По просьбе Никифора Алексеевича, задышавшегося в спертom, сыром воздухе избы, для него специально поставили палатку. Вскоре туда перенесли больного. Полы палатки оставили открытыми, чтобы он мог видеть весеннюю пробуждающуюся тундру.

Так прошло несколько дней. Натальченко с Диксона не возвращался.

16 мая Сапожников принес тушу убитого им оленя. Обрадованные удачей, охотники предлагали Никифору Алексеевичу свежей крови, мяса, бульона, но ослабевший Бегичев есть уже не мог.

Около полуночи 17 мая Семенов, неотлучно ухаживавший за больным, принес чаю.

Бегичев жадно сделал несколько глотков, откинулся на подушку и тяжело задышал.

Семенов присел у постели больного. Отдышавшись, Никифор Алексеевич стал шарить рукой у себя на груди, наконец вынул массивные золотые часы — награду норвежского правительства — и протянул их Семенову.

— Плохо, Николай, помираю... — еле слышно сказал он. — Возьми эти часы... Берданка вон у входа стоит... Мне ее Академия наук подарила... Передай сыну Мише. Мою долю песцов Анисье отдайте... Мне уже не промышлять...

И, глубоко вздохнув, Никифор Алексеевич умолк.

В три часа ночи Семенов снова дал ему пить, предложил бульон. Обессиленный Бегичев уже не говорил и жестом отказался. В семь часов утра 18 мая он умер.

На следующий день вернулся с Диксона Натальченко. Он привез сахар, масло, мясные консервы, сыр, квашеную капусту. Промышленники решили эти продукты оставить для Зырянова.

Стали готовиться к погребению тела Бегичева. Горин сколотил из досок гроб. Сапожников, Семенов и Манчи вырыли на взгорке, саженьх в полутора от избы, могилу. В воскресенье 22 мая Бегичева похоронили.

В тот день особенно ярко светило солнце. Радостно пробуждалась тундра. Тянулись на Север вереницы гусей. На возвышенностях парили проталины*.

Так рассказывает биограф Бегичева о последних днях жизни Улахана Анцыфора...

Два выстрела испугнули эти дали,
Две птицы пролетели, трепеща,
Два возгласа в безмолвье прозвучали:
— Никифор Алексеевич, прощай!

И холм могильный вырос одиноко,
Он в тундре виден далеко окрест.
И над холмом белет невысокий,
Обыкновенный деревянный крест.

А рядом, как товарищ неизменный,
И день и ночь тоскою обуян,
Бушует и клокочет белопенный,
Угрюмый Ледовитый океан.

Зимой горят торжественно сиянья,
Весною — день немеркнувший стоит...
К последней, вечной бухте Расставанья
Причалил ты, полярный следопыт!

Ты все изведal: странствия, тревоги,
Боль неудачи и удачи риск,
Одним из первых проторив дороги
На Хатангу, на Нордвик и Норильск.

Вот снимок твой... Черты немного грубы,
Но сколько мужественной в них красоты!
Жестки упрямо сомкнутые губы,
Густы чуть поседевшие усы...

Суровый облик, бесконечно близкий,
Я сберегу его в душе своей...
И горы драгоценные Норильска,
И Диксон, страж полуночных морей,

И Хатанга, и Пясины граниты —
Согрето все дыханием людским.
И новые отряды следопытов
Идут на Север по следам твоим.

И там, где смерть когда-то нас встречала,
Оберегая тайны белых царств, —

Там корабли теснятся у причалов.
И флаги иноземных государств
Взлетают, молча салютуя флагу,
Где молот, серп и пять лучей звезды...
Так вспомним тех, чьи доблесть и отвага
Впервые проложили здесь следы!

Как прежде, волны бьются в берег яро,
Прибрежный камень тяжело дробя...
В ряду имен: Дежнев, Буза, Хабаров —
Я называю, Бегичев, тебя.

Часть третья

ТАЙНА МЫСА ВХОДНОГО

1

Итак, могила Бегичева найдена. Труп „находится в целости, в вечной мерзлоте“, — думалось мне тогда, в 1951 году.

Мог ли я предполагать, что мерзлая земля Севера полна коварства, что она готовит столько неожиданностей?

Зимой 1952 года я отправился на обычной грузовой автомашине в Енисейск, чтобы повидаться с вдовой Бегичева Анисьей Георгиевной, его детьми и, если удастся, — с Василием Михайловичем Натальченко.

Январский мороз был жесток. Седой плотный туман окутывал закуржавевшую тайгу, и машина даже днем шла с зажженными фарами.

Переночевав в селе Казачинском, мы отправились дальше.

Сидя в кабине, хорошо было мечтать о том, что пройдет всего несколько часов — и мы будем в Енисейске, в гостеприимном комнатном тепле, отведем столовских горячих щей... Машина наматывала километры по тракту, вдоль которого сплошной белой стеной выстроились ели и сосны. Водитель оказался разговорчивым и радовался, что, дескать, баллоны не подвели, выдержали, хотя они и с заплатами. Значит, хорошо их починил.

И вдруг — тррах! Лопнул баллон правого заднего колеса. Вслед за ним — тррах — баллон переднего колеса слева. Машина сразу осела, тяжело накренилась и остановилась.

— Поели щец! — произнес сквозь зубы водитель.

Конечно, его было нетрудно понять: ночь, сорок пять ниже нуля, таежная глухомань, — попробуй выберись! Ждать утра? Хорошенькое дело! Ближайшее селение где-то в тридцати километрах отсюда, а то и дальше.

Что ж, деваться некуда. Пешком идти рискованно — замерзнуть можно наверняка. Будем ждать утра. Но и в кабине сидеть — не малина: раскаленное морозом железо дышало таким холодом, что через час-два можно считать себя сосулькой.

Чтобы согреться, мы вылезли из кабины и начали пробежку. Вроде бы ничего, полегчало, только руки немилосердно стыли. Тогда водитель вытащил из-под сиденья какие-то консервные банки, налил туда бензину и поджег. Так, пробежав туда-сюда несколько раз по тракту, мы снова возвращались к

горящим банкам и отогревали руки. Вдобавок ко всему, у нас не оказалось даже куска хлеба и в желудке неприятно урчало. Вот что значит забыть народную мудрость: едешь на день — бери еды на неделю.

Поздним утром, когда туман немного рассеялся, появились первые встречные машины. «Что, загораете?» — весело кричали шоферы, но тотчас притормаживали: таков неписанный закон взаимовыручки. Нам помогли снова залатать баллоны, накачать их и даже заменили одну шину.

Однако, едва мы тронулись дальше, на первом же подъеме один баллон снова лопнул. Спасибо енисейским шоферам: они взяли нас на буксир, и на вторые сутки, глубокой ночью, перед нами открылись, наконец, огни Енисейска.

Енисейск — один из стариннейших городов Сибири, основанный в 1618 году. У него яркая, своеобразная история.

Город, «стоявший на страже трех Тунгусок, в середине звероловных племен», как писал о нем один из историков, славился в свое время замечательным соболем. Недаром на гербе города были изображены два этих зверька. Сюда на ярмарку приезжали за драгоценной пушниной купцы из Иркутска, Тобольска, даже из Москвы и Астрахани.

В первой половине прошлого века, когда рядом с городом в енисейской тайге неизвестные бродяги случайно наткнулись на золотые россыпи, Енисейск стал расти не по дням, а по часам. В городе появились первые каменные дома, были построены двенадцать церквей и два монастыря.

Но, как это часто бывает, золотая лихорадка быстро кончилась, Енисейск захирел и обезлюдел. Тем не менее, он славился как город сибирских мореходов, смелых путешественников и капитанов.

Отсюда в 1876 году Давид Иванович Шваненберг на яхте, построенной в Енисейске и названной «Утренняя заря», отправился к устью Енисея, а оттуда — в Европу, совершив первый в истории мореплавания переход из Енисея в Кронштадт. Здесь в разное время бывали Фритьоф Хансен и адмирал С. О. Макаров. Здесь прошла юность ветеранов Енисейского флота, капитанов-наставников К. А. Мецайка и В. В. Ильинского.

Здесь жил и Бегичев.

Узнав адрес вдовы Улахана Анцыфора, я на другой же день отправился на улицу Союзов. Найти дом под номером 19 было несложным делом, и через полчаса я уже стучался в двери.

Скрипнули запоры, на пороге появилась высокая, красивая молодая женщина. Что-то в крупных чертах ее лица показалось мне удивительно знакомым. Кого же оно напоминает?.. Ну, конечно же, Бегичева!

— Заходите, пожалуйста, — радушно пригласила женщина, узнав о цели моего прихода. — Мама дома. А я — дочь Никифора Алексеевича, Тамара...

И вот я сижу за столом в полутемной комнате с большим портретом Бегичева на стене.

Напротив меня сидит маленькая пожилая женщина лет 55—57 — хозяйка дома

Анисья Георгиевна, вдова покойного Никифора Алексеевича.

Я рассказываю ей о том, как удалось мне найти могилу Бегичева. Потом достаю письмо члена-корреспондента АН СССР В. Ю. Визе, который писал мне, прочитав мою поэму «Русский человек Бегичев»: «Личность Бегичева настолько замечательна, что жизнь его заслуживает подробного и правдивого описания».

Анисья Георгиевна слушает, время от времени уголочком передника вытирает глаза и говорит дрожащим от волнения голосом:

— Я и сама хотела как-то съездить с детьми на могилу. Знакомый капитан обещал взять нас с собой. Да что-то не получилось...

Потом она показывает старые, выцветшие фотографии. С одной из них смотрит на меня миловидная девушка.

— Это я, в молодости... Такой встретил меня Никифор Алексеевич и умыкнул из дома.— И в глазах ее появляется усмешка.— Совсем еще девчонкой была!

Она неторопливо, тихим, спокойным голосом рассказывает о своем первом муже. Да, не раз заходило у нее сердце, когда Бегичев собирался куда-либо в дальнюю дорогу, и не одну бессонную ночь провела она в тревожных думах: вернется ли? Вероятно, так поджидали когда-то жены своих мужей-поморов, уходивших в бурное море...

Разговор переходит к последним дням жизни Бегичева.

Памятник Бегичеву на острове Диксон.

★ БЕГИЧЕВ ★
ИВАНОВ БАСИЛОВИЧ
1874 - 1927
ИЗВЕСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ТАИМЫРА
★

*Семья охотников промышляет в местах,
где когда-то прошел Никифор Бегичев.
«Мягкое золото» тундры.*

Юная нганасанка.

*Долганка-охотница вернулась из тундры
с богатыми трофеями.*

— Наверно, вы разное слышали? — с горестной усмешкой спрашивает Анисья Георгиевна. — Это все злые люди выдумали. Ведь я потом за Натальченко вышла. Шестеро детей мал мала меньше осталось у меня после Никифора... И вырастить-то каждого надо, хоть какое воспитание дать, образование. Трудновато приходилось мне. Ох, трудновато! — вздыхает она, морща лоб. — Деньги-то, что из Норвегии перевели Никифору за поиски моряков, уже после смерти его пришли. Ну, как тут прожить одной-то с такой оравой?..

И будто гневные искорки промелькнули в глазах Анисьи Георгиевны:

— Не было убийства. Ничего не было! Конечно, Натальченко приходил к нам, ведь он дружил с Никифором. А суд оправдал Натальченко. Все подтвердили, что невиновен. И Зырянов, и Семенов... — Она достает еще одну фотографию. — Вот, посмотрите: это Никифор в гробу. Натальченко сам заснял его...

Вглядываюсь в неудачный любительский снимок. На снимке крупным планом выступает нижняя часть гроба, ноги покойника, и где-то, в тумане, почти неразличимое, — лицо, до половины прикрытое простыней.

— Натальченко и похоронил его на хорошем, высоком месте, чтобы отовсюду была видна могила. Он мне сам говорил об этом.

Я спрашиваю:

— Где же теперь Натальченко?

Помолчав, Анисья Георгиевна отвечает:

— В Курейке. Бухгалтером работает в тамошнем совхозе. Письмо получила от него

недавно. Собирается возвращаться сюда.

В июле этого же года я приехал в Курейку и сразу направился в совхоз, расположенный поблизости.

Узнав, что Натальченко действительно находится здесь, я попросил, чтобы его пригласили в заезжую совхоза для беседы.

Через полчаса дверь распахнулась и в комнату вошел пожилой человек среднего роста, с несколько удлинненным лицом, с обритой головой. Глаза его спокойно и пронизательно поблескивали из-под очков.

— Здравствуйте! — хмуро сказал он, садясь напротив меня за столик, и в ожидании вопросов скрестил на коленях большие жилистые руки.

Я начал с того, что недавно побывал в местах, где умер Никифор Алексеевич, нашел его могилу и до сих пор недоумеваю — как небрежно его захоронили: в болоте, на такой небольшой глубине...

Натальченко перебил меня:

— Откуда же там взялось болото? Я хорошо помню, что мы похоронили его на самом высоком сухом месте!

Он проговорил это не торопясь и с такой убежденностью, что я был озадачен: нет, подумалось мне, не помнит.

Я подробно рассказал, как нашел сперва крест, затем дощечку с еле заметной, нацарапанной чем-то острым (гвоздем, что ли?) надписью... «...егичева».

— Нет,— покачал головой Натальченко,— не гвоздем. Это я концом напильника сам вырезал на доске.— И тотчас спросил: — Гроб не вскрывали?

— Приподняли верхние доски, которые отстали. Никифор Алексеевич лежит в толстом слое мутного льда, которым забит весь гроб. Через этот слой еле-еле проступают очертания тела... Как вы полагаете, Василий Михайлович, оно могло сохраниться?

— Полагаю, могло, — тем же ровным голосом ответил он. — Вот если бы возможна была судебно-медицинская экспертиза... Я бы сам поехал туда. Сам! — Он настойчиво подчеркнул это слово. — На свои деньги! Ведь наговорили на меня бог весть что. А я ведь дружил с Никифором Алексеевичем. Любил его. Последние дни, смерть — все, как есть, описал в своем дневнике. Он теперь в Академии наук находится...

Снова встретился я с Натальченко в той же Курейке в марте 1953 года. На этот раз мы с ним ни о чем не говорили. Я только попросил разрешения сфотографировать его. Натальченко охотно согласился.

И вот он сейчас стоит передо мной — пожилой невысокий человек в фуфайке. По-прежнему спокойно и пронизательно поблескивают из-под очков его глаза, большие жилистые руки скрещены на животе...

Дважды я обращался в красноярские краевые организации с просьбой заинтересоваться обстоятельствами смерти Бегичева, помочь установить, наконец, истину. Вмешался покойный ныне член-корреспондент АН СССР В. Ю. Визе. Президиум Всесоюзного географического общества, ознакомившись с материалами, направил письмо Красноярскому крайисполкому с просьбой о выделении средств для производства судебно-меди-

цинской экспертизы, чтобы таким путем установить подлинную причину смерти Бегичева.

Но и эта попытка не возымела действия.

Как быть? А если еще раз пойти по следам Улахана Анцыфора? Побывать в Авамской тундре, где он провел столько лет, и каких лет! Возможно, я еще застану в живых кого-либо из тех, кто хорошо знал Никифора Алексеевича? Может быть, я услышу там подробные рассказы стариков-нга-насанов, долган, хорошо знавших Бегичева. Может быть, они помогут мне раз и навсегда развеять мрачную легенду о его загадочной смерти.

2

Март 1955 года. Я снова в Заполярье, в сердце Таймыра — Авамской тундре.

Здесь почти все названия рек и факторий так или иначе связаны с именем Бегичева. Здесь он охотился зимой, промыслял песка, подолгу жил в своем балке. Здесь он собирал у местных жителей оленей для экспедиций. Здесь каждый старый долганин или нга-насанин встречался с ним...

Стояла морозная ночь, когда олени мчали меня и моих спутников — партийных работников В. Гавриленко и М. Булаева — к фактории Ново-Рыбная, в колхоз имени Калинина. В небе горело великолепное полярное сияние. Огромные бахромчатые занавеси то широко рассыпались по небу, свешиваясь над нами, то на минуту гасли, чтобы потом

вспыхнуть еще ярче. И тогда на все окружающее ложился неповторимо странный, серебристо-зеленый отсвет.

Откинувшись на низенькую спинку са-нок, я вспоминал свои недавние встречи со старыми долганами в Волочанке, центре Авамского района, их рассказы о Бегичеве. И мне, сквозь легкий посвист ветра, слышался ровный и тихий голос седого долганина, коммуниста Акима Ивановича Лаптукова:

— Бегичева? Да как же не знать! Молодым еще ходил с ним на остров. Он тогда остров открывал. Учил меня из ружья стрелять. Стреляли белого медведя, дикого оленя, волков. Ладный он охотник был: начнет стрелять — никакой зверь или птица не уйдет, шибко стрелял! Пулю как спустит — ни одна задаром не пропадет... Такой большой человек был, с мягкой костью. Совсем нет костей. И быстрый. Бывало, кровь в нем заиграет, разбежится по тундре, голова вниз, руки вниз, ноги вверх болтаются. Это он так кровь разгонял, чтоб шибче шла... Не-ет, не простой человек был, сила в нем редкая была. Высокий, плечи широкие, шея во какая! Беда хороший человек был! Землю знает, все знает. Сейчас был бы большим начальником, ученым. Беда ученым был!..

Приблизительно в том же духе высказывался и другой старый долганин, коммунист Онуфрий Родионович Поротов. Именно они посоветовали мне поехать на фабрику Ново-Рыбная, где живут старики, лучше их знавшие Бегичева и обстоятельства его смерти.

Олени бежали быстро, словно чуяли близкий отдых.

Крутой подъем, стремительный спуск — и вот санки уже скользят по речному льду.

Еще несколько километров — и навстречу нам с высокого берега блеснули огни. Теплые, живые огни. Электрические огни! Это было так радостно и неожиданно. Нет, при всем очаровании полярного сияния сердцу куда дороже именно этот желтый, земной свет, свет человеческого жилья, свет нового социалистического Таймыра!

Упряжки промчались по улице, мимо ряда домов, балков и остановились у крыльца заготпункта. Гостеприимно вспыхнул огонь в уснувшем доме.

В дверях нас встретил заведующий пунктом Владимир Устинович Иванов.

Хорошо после мороза, после утомительно долгой дороги сбросить с себя тяжелый сакуй, снять бокари, олени чулки и ощутить благодатный жар печки.

Кухня, она же заготпункт, была вся увешана белоснежными шкурками песцов, серыми шкурами полярных волков, темно-коричневым мехом росомех.

Глядя на крепкое, улыбающееся лицо Иванькова, трудно было представить, что этот тридцатичетырехлетний человек прошел нелегкий жизненный путь. Молодость его опалила Великая Отечественная война. Был пять раз ранен, в одном из боев оторвало правую ногу. Но молодость взяла свое. Иваньков окончил курсы, работал вначале в Канске заготовителем, принимал от охотников лисий мех, колонок, ондатру, а за-

тем, по договору, перебрался сюда, на Таймыр. С песцами Иваньков никогда не имел дела, даже ни разу их не видел, а о Севере знал понаслышке. На Таймыре пришлось переучиваться, приобретать опыт. Прошел всего лишь один год — и крылатая «говорка» о старательном пушнике, который безошибочно определяет качество сданного песка, побежала от фактории к фактории.

Не в пример другим заготовителям, Иваньков никогда не сидел на одном месте, хотя передвигаться ему было трудно, часто выезжал к охотникам за двести-триста километров, подолгу жил вместе с ними и тут же принимал пушнину. Летом в рыболовецких бригадах заготавливал рыбу, ягоды, полярную одежду.

Вскоре и нганасаны и долгане узнали его близко, а узнав — полюбили. А если на Севере поверят в человека и полюбят его, то эта вера, эта любовь — навсегда. И хотя Владимир Устинович вот уже больше года живет на новом месте, за сотни километров приезжают к нему нганасаны и долганы сдавать свою добычу.

— Охотники тут замечательные! — увлеченно рассказывал Иваньков. — Вот жаль, не знаете вы Григория Афанасьевича Сохатина: ежегодно перевыполняет план. А Куприян Анциферов? А Пахом Елогир?.. Впрочем, вы всех их увидите: завтра у нас отчетно-выборное собрание.

На другой день тесную квартирку Иванькова заполнили люди. Охотники приехали

сюда со всех концов — с Медвежьего Яра, с Долганов, с Агапы... Каждый входил за-просто, как в свой дом, вытряхивал из мешка на стол шкурки песцов и, сев на табуретку, а то и прямо на пол, терпеливо ожидал своей очереди.

Владимир Устинович брал одну шкурку за другой, встряхивал, внимательно смотрел на волосяной покров — ровный и густой ли он, нормальный ли пух. Потом легким движением руки на ощупь проверял мездру — изнанку шкуры. Нельзя было не залюбоваться его точными, быстрыми, ловкими движениями.

Дверь распахнулась снова — и на пороге выросла высокая фигура смуглолицего долганина. Он был одет в парку, ноги обуты в длинные темно-коричневые ботинки из оленьего камуса, затейливо украшенные орнаментом из разноцветного бисера. Но костюм на нем был европейский, а из-под расстегнутой парки на лацкане пиджака поблескивал орден Трудового Красного Знамени.

— Ага! — воскликнул Иваньков. — Вот и сам Пахом Капитонович Елогир! Садись, Пахом!..

Как и большинство охотников колхоза, Пахом Капитонович — уроженец здешних мест. Охотиться начал с малолетства. В трехстах километрах отсюда, в устье речки Агапы, на возвышенностях стоят у него двести двадцать пять пастей. Свыше десяти лет он возглавляет пушную бригаду, а живет вместе с женой в Медвежьем Яру. Там и стоит его балок. Но он редко бывает дома: придет — и снова в бригаду.

В легких санках, на своих собственных оленях передвигается Пахом Капитонович от одной пасты к другой. Поставлены они цепочкой, на расстоянии двухсот-трехсот метров. За день Елогир успевает проверить полсотни, а то и больше пастей и делает по тундре в общей сложности километров тридцать-сорок. Иногда в день попадается восемь-десять песцов, иногда — ни одного.

— Тут главное — приманка, — объясняет Пахом Капитонович. — Надо знать, когда и какую ставить. Песец хитрый, разборчивый! Осенью он обычно идет на тухлую рыбу, а вот сейчас, в марте, — на свежую, на мясо, на кровь. Вот и надо приспособливаться к его вкусу...

Он снисходительно смеется, словно мудрец, которому открыты все тайны удивительного мира. И за эту свою таежную мудрость и умение получил он шесть почетных грамот и орденом был награжден в 1952 году.

— Все у меня есть в балке, в Медвежьем Яру, — продолжает Елогир, и чувствует, что ему очень приятно об этом рассказывать. — Одежду купил себе — и летнюю и зимнюю, жене — швейную машину. Двустолку новую завел, сапоги новые — болотные и кожаные, новые одеяла. Вот приезжайте ко мне в гости. Понравится. Одна беда: с грамотой плохо. Правда, научился немного читать и писать, но этого мало. Я вот заявление в партию подал, а коммунист должен быть грамотным. Да и неловко вроде — охотник, в правлении колхозном состою, орден имею — а беспартийный. Учиться бы надо мне!..

Мы выходим вместе с Пахомом Капитоновичем на улицу.

Яркое морозное солнце вовсю светит над факторией, ее избушками и балками. Голубое небо — чистое, будто вымытое.

Возле конторы множество санок, оленьих упряжек. Охотники и оленеводы одеты по праздничному, с ними приехали и жены в парках, затейливо расшитых бисером. А со стороны речки Авам все подлетают и подлетают к конторе новые упряжки.

Вот еще одна стремительно влетела на бережок и на полном ходу промчалась по улицам. Лихо подвалив к крыльцу, соскочил богатырского роста человек, сбросил парку и остался в костюме и бокарях, хотя ртуть в термометре показывала тридцать с лишним ниже нуля. Под пиджаком у приезжего виднелась шелковая рубашка. Он тяжело, вразвалку, как обычно ходят большие и сильные люди, подошел к нам и поздоровался.

Это был охотник Куприян Андреевич Анцыферов.

Вряд ли кто из местных жителей пользуется в колхозе таким уважением. Эвенк по национальности (в колхозе, где в основном живут долгане, есть и несколько семей эвенков), коммунист, член правления, он всегда спокойный, прямой и по характеру добродушный. О нем говорят: «Куприян — доброе сердце». И в самом деле: трудно найти более бескорыстного, широкодушного человека.

Анцыферов — человек бывалый. Чего только не испытал он за годы охотничьих

странствий! Четыре раза проваливался под лед, несколько раз тонул в речках, переплывая их на санках, запряженных оленями. И лишь благодаря своему хладнокровию и мужеству всегда выходил невредимым.

Между тем, возле конторы колхоза собралась уже целая толпа: скоро откроется собрание. А пока что можно сплясать хейру — национальный танец долган.

Мужчины и женщины, взявшись за руки, образуют необычайно живописный круг, в центре которого водружен в снег хорей*. Так они и ходят по кругу, громко выкрикивая: «Хейра, хейра, хейра!». Мелькают расшитые бисером парки и головные уборы.

Первый день отчетно-выборного собрания завершился самодеятельным концертом. Хор девушек исполнил на языке долган известную песню новоселов «Едем мы, друзья...» С подмостков маленькой сцены звучали басни Михалкова. Затем смуглая и узкоглазая Христина Лаптукова запела «Одинокую гармонь», она сама перевела текст песни на язык долган.

Затаив дыхание, старые и молодые слушают. И хоть никогда не видели они полей, с которых «веет ночная прохлада», и хоть не видели они «яблонь цвет», но каждый из них в эти минуты был всем сердцем с Большой землей, со всей необъятной Родиной...

Здесь, в фактории Ново-Рыбная, слепой эвенк Егор Титович Еремин, сродный брат

---

* Длинный пест, с помощью которого управляют оленьей упряжкой.

Манчи Александровича Анцыферова, повторил мне трагический рассказ о смерти Ула-хана Анцыфора. Еремин слышал в свое время этот рассказ от самого Манчи и запомнил на всю жизнь. Но мне он был давно известен по материалам судебного следствия. Хотелось услышать что-то новое, проливающее дополнительный свет на многие загадочные детали, найти людей, которые могли близко знать Бегичева, быть может — непосредственных очевидцев последних дней его жизни. Егор Титович сообщил, что в тридцати километрах отсюда, на фактории Усть-Авам, проживает столетний нганасанин Сейма Даселедович Турдагин, который якобы хорошо знал самого Никифора Алексеевича.

Конечно, я тотчас же выехал туда.

Через два часа бешеной гонки на сорокаградусном морозе показались аккуратные домики маленького поселка. Взлетев на крутой берег, олени, тяжело дыша, остановились у крыльца колхозной конторы. Я попросил послать за Турдагиным, если, конечно, он в состоянии передвигаться.

Через несколько минут дверь в помещение конторы открылась и в комнату вместе с клубами морозного пара вошел древний-древний старец в парке.

Слезаящимися глазами Турдагин долго всматривался в меня, как бы изучая, потом присел на табуретку и через переводчика (старик плохо говорил по-русски) начал рассказывать.

Когда-то, ох, и давно-давно, было у него такое хорошее зрение, что люди называли его Сеймой, что означает «глаза». Своего насто-

ящего имени уже не помнит. Бегичев?.. Да, он, конечно, знал такого. Улахан Анцыфор и балок свой ему подарил, где и сейчас доживает свой срок старый Сейма. На самый край моря ходил он с Бегичевым, бывал в Гольчихе, но... давно, ох, давно это было! Не помнит он уже, не помнит. А вот Харламп — этот должен хорошо помнить, тот помоложе, даже на охоту еще ходит...

Я попросил, чтобы сходили за Харлампом. И вот он стоит передо мной — еще бодрый старик среднего роста, в шапке и фуфайке. В руках у него ветхое, перевязанное проволокой ружье бельгийской марки, подаренное ему когда-то Никифором Алексеевичем Бегичевым.

Харламп присел к столу и пояснил, что зовут его Гавриил Варламович Портнягин, а Харлампом прозвали по имени отца: так легче. Лет сколько? Девяносто три года. Бегичева узнал хорошо, когда плыл с ним по Пясине к морю. И он называл фамилии Натальченко, Зырянова, Манчи...

Мы продолжили беседу в Ново-Рыбной, в жарко натопленной комнате заготовителя пушнины. Здесь были тогдашний заведующий отделом пропаганды и агитации Таймырского окружкома КПСС В. Гавриленко, бывший третий секретарь Авамского райкома партии М. Булаев, секретарь сельсовета В. Зайцев и переводчик.

То, что нам рассказал тогда Гавриил Варламович, в основных чертах полностью совпадало с показаниями, которые давал Манчи Анцыферов на судебном следствии в 1928 году.

По словам Портнягина, Никифор Алексеевич Бегичев взял его к себе в артель уже на пути к мысу Входному, в устье речки Пойтурмы, впадающей в Пясину, где тот плотничал. Бегичеву нужен был плотник — делать и чинить санки, пасти, лодки.

Портнягин подтверждал версию убийства Бегичева...

Можно ли было оставлять дело в такой неопределенности?

Сейчас, когда минуло столько времени, я снова отвечаю себе: Нет!

Вероятно, так бы ответил и каждый на моем месте.

Посоветовавшись с товарищами из окружка, я решил предать всю эту историю гласности. Так или иначе, пусть даже и через двадцать восемь лет, но надо было положить конец легенде.

Спустя месяц после встречи с Портнягиным, будучи в Москве, я показал запись его рассказа Н. Я. Болотникову, автору книги «Никифор Бегичев». Н. Я. Болотников напомнил, что в официальном списке членов бегичевской артели «Белый медведь» Портнягин не значился.

Наконец, обстоятельствами смерти Бегичева заинтересовалась пресса.

4 августа 1955 года в газете «Водный транспорт» появилась большая рецензия Г. Кублицкого на новое издание книги Н. Я. Болотникова «Никифор Бегичев». Давая ей положительную оценку, рецензент в заключение писал:

«Нам хочется, однако, упрекнуть автора в том, что он не довел до конца дело, кото-

рое, по странному стечению обстоятельств, тянется вот уже 28 лет. Речь идет о выяснении причин смерти Бегичева. В литературе о Бегичеве есть две версии: смерть и убийство. Н. Я. Болотников склонен считать правильной первую. Но, думается, ему следовало бы убедительно доказать при этом несостоятельность второй...

Сибирский поэт К. Л. Лисовский разыскал могилу Бегичева возле устья Пясины, у мыса Входного. В присутствии официальных лиц могила была вскрыта. Оказалось, что в вечной мерзлоте труп Бегичева сохранился в том виде, в каком он был похоронен в 1927 году. Поскольку при вскрытии могилы не было врача, труп оставили нетронутым в глыбе льда, которая образовалась вокруг него и в которой слабо просматривались контуры лица и китель моряка.

Следовательно, несложная работа врача-специалиста при новом вскрытии могилы сможет дать окончательный ответ на вопрос: умер ли Бегичев своей смертью или был убит? Некогда к пустынному мысу Входному, где находится могила, потребовалось бы снаряжать специальную экспедицию. Теперь это — дело одного дня: до мыса Входного меньше часа полета от Диксона, на самом мысу — поселок.

Хочется верить, что Главное управление Северного морского пути... не откладывая, проведет небольшое исследование, которое позволит, наконец, достоверно дописать последнюю страницу биографии человека, так много сделавшего на нашем Севере и заслужившего добрую память народа».

Выступлением газеты «Водный транспорт» прежде всего заинтересовалась прокуратура Союза ССР.

Заинтересовалась не возможностью привлечения к ответу предполагаемого убийцы в случае полного доказательства его вины (ведь убийство, доказанное через десять лет, ненаказуемо за давностью времени), а гуманной стороной этого дела — окончательным установлением истины.

Надо было видеть взволнованные лица прокуроров, обсуждавших предстоящее дело и еще не знавших, кому поручат его. Один, совершенно седой, с открытым мужественным лицом, сказал:

— Вот уже двадцать пять лет работаю я в прокуратуре и ни разу за всю мою жизнь не встречал такого интересного дела. Подумать только: через двадцать восемь лет попытаться разгадать тайну гибели человека, установить истину! Что может быть заманчивее, интереснее для работника юстиции... Если бы выбор пал на меня,— я бы, не раздумывая, поехал сейчас же, хотя уже далеко не молод...

Много таких прокуроров-энтузиастов готовы были в те дни отправиться туда, на мыс Входной.

Главная транспортная прокуратура остановила свой выбор на А. Т. Елбенко, прокуроре Московского участка Горьковской железной дороги, а институт судебной медицины выделил в качестве эксперта кандидата медицинских наук В. Г. Науменко.

Таким образом была создана комиссия по расследованию обстоятельств загадочной гибели Никифора Алексеевича Бегичева. В эту комиссию вошел и я, которому редакция журнала «Огонек» дала командировку на мыс Входной.

В. Ф. Бурханов, в то время начальник Главного управления Северного морского пути, согласился бесплатно предоставить в наше распоряжение самолет от Игарки до мыса Входного.

Вот почему в ночь с 18 на 19 августа 1955 года самолет ИЛ-12 оторвался от бетонированной площадки Внуковского аэропорта и, сделав плавный круг над спящей столицей, взял курс на восток. 19 августа мы были уже в Красноярске, а на следующий день — в Игарке.

Я не был в Игарке четыре года, и поэтому особенно радостно и остро воспринимались новые впечатления.

Город расширился, разросся. По его дощатым улицам мчались пассажирские автобусы. На полную мощность работал лесокомбинат. У пирса торгового порта, как и в прежние годы, стояло множество иностранных кораблей, пришедших сюда за лучшим в мире сибирским лесом. Тут были и «норвежцы», и «англичане», и «греки». Флаги почти десяти государств развевались на мачтах.

Непривычным здесь, на Севере, паровозным гудком встретила меня и Дудинка. Теперь ее связывала с Норильском не жалкая

узкоколейка, а «настоящая» железная дорога, как на Большой земле.

И вот под крылом самолета проплывает желтоватая, унылая Авамская тундра, по которой разбросаны голубые блюдца бесчисленных озер. Грустный, однообразный вид...

Короткая остановка в Усть-Торее. Снова взревели моторы, хлестнули в иллюминаторы бешеные водяные валы — и мы опять в воздухе. На этот раз мы идем напрямик к мысу Входному.

Как передать нашу радость! Хотелось обнимать славного пилота Ручкина, его штурманов, механиков, смелых и хороших ребят, которые с такой готовностью и бескорыстием взялись помочь нам.

Через полтора часа полета впереди показались похожие с высоты на спичечные коробки избушки мыса Входного. Пролетая низко над ним, мы сбросили вымпел и устремились дальше, к берегу Бегичева, где находилась его могила.

Штурман самолета попросил меня указать примерные координаты могилы. На листке бумаги я провел прямую линию от мыса Входного до бывшей избы Никифора Алексеевича, а от нее — перпендикуляр к могиле. Штурман поспешил к пилоту. Бегло взглянув, Ручкин повел машину прямым курсом.

Самолет летел над берегом Пясинского залива... И вот внизу показалась маленькая точка. Она с каждой минутой увеличивалась, а когда мы снизились, ясно увидели оградку на могиле и деревянный обелиск с пятиконечной звездой.

Сделав круг над могилой, самолет повернул к мысу Входному. Вскоре поплавки его коснулись штормящих волн Пясинского залива.

Пусть эти строки останутся как знак благодарности погибшему вскоре летчику-миллионеру Ручкину и его товарищам, показавшим высший класс летного мастерства!

Мыс Входной!..

Снова увидел я с десяток одиноких избышек на голом берегу, увидел их обитателей, старых моих знакомцев, которые занимались здесь промыслом, добывая летом рыбу и морского зверя, а зимою — песца...

Пенной омываемый волной,
Встал у океана мыс Входной...
Там плывут рыбацкие суда,
Там стоят ставные невода.

Тундра... Кочки. Тишина болот.
Здесь ничто не зреет, не растет.
Пролетит поморник поутру,
Шустрый лемминг прошмыгнет в нору...

Ничего, что берег этот наг,—
Над зимовкой реет красный флаг,
И его приветствуют вдали
Долгими гудками корабли.

Там живут поморы-рыбаки,
На словах скупы, в делах — крепки,
Руки их корявы и темны,
Лица их пургой обожжены.

Я хочу, чтоб сын в делах любых
Научился мужеству у них,
Чтобы страха никогда не знал,
Чтоб лицом встречал девятый вал!

. . . . .

Реют чайки низко над водой
Берег океана.
Мыс Входной...

Волнующей оказалась встреча с красноярскими товарищами. Выяснилось, что они только сегодня утром добрались сюда катером из Норильска, подняли вымпел, брошенный с самолета, и решили могилу Бегичева не вскрывать до нашего прибытия.

На следующий день все мы отправились на катере «Диорит» к берегу Бегичева, в нескольких сотнях метров пересели в лодки, так как катер дальше идти не мог: встречались мели.

...Вот и могила.

Прокурор Бабенко сличил фотографию креста на снимке З. З. Громадского, который я ему передал, с крестом, водруженным в оградке. Сомнений не оставалось: это был именно тот самый крест, что установили в свое время на могиле.

Осторожно подняв оградку (ее легко можно было выдернуть из болотца), передвинув обелиск и крест, начали копать землю, вернее — плавун. Вскоре обнажился гроб.

Его осторожно перенесли в лодку, катер взял ее на буксир и направился к мысу Входу. Здесь гроб перенесли к пустующему зданию электростанции. Там сняли плоскую крышку, отбили боковые доски и днище.

Мы увидели глыбу мутного льда, которой время придало форму гроба. В этой глыбе смутно проступали очертания тела, — так виделось мне и в 1951 году. Глыбу бережно перенесли в помещение электростанции, ус-

тановили на импровизированном столе и, растопив печь, оставили дежурного сторожа, который должен был все время поддерживать одинаковую температуру.

Четыре дня оттаивал лед. Только на пятые сутки можно было приступить к вскрытию. В присутствии понятых, среди которых находился и коренной житель Дудинки И. Г. Ананьин, лично знавший Бегичева и приглашенный для его опознания, судебно-медицинский эксперт Науменко и его ассистент эксперт из Красноярска В. Бондаренко приступили к вскрытию трупа.

И тут нас ожидало горькое разочарование: тело не сохранилось. Как установила экспертиза, вода, ежегодно при оттаивании земли просачиваясь сквозь гроб, постепенно разрушила все мягкие ткани и в конце концов превратила их в так называемый жировоск — желтую, мягкую массу, плотной коркой облегающую кости. При малейшем прикосновении эта корка отваливалась, как глина, и тогда обнажался скелет.

Так вот почему гроб был весь забит мутным льдом!

Стало очевидно, что такое стечение обстоятельств значительно осложнит и без того нелегкую судебно-медицинскую экспертизу. Ведь смерть Никифора Алексеевича не обязательно могла наступить вследствие травматического повреждения черепа или каких-либо костей. Поскольку же тело не сохранилось, то никаких ран, ссадин, тем более кровоподтеков, найти, конечно, невозможно. Что же касается цинги, признаки которой могла бы и обнаружить экспертиза, то ведь

известно, что Бегичев действительно болел цингой...

Улахан Анцыфор лежал в черной шерстяной рубашке, суконных брюках. На ногах были надеты серые шерстяные носки домашней вязки. Правая рука покоилась поверх левой. Было нетрудно установить, что покойника перед захоронением переодевали.

Составив необходимые акты и протоколы, мы перенесли останки Бегичева в новый гроб и переправили на прежнее место захоронения.

Вот лишь когда Улахан Анцыфор совершил свой предпоследний путь...

Пора было возвращаться.

С помощью плохонькой местной рации удалось связаться с Диксоном и вызвать самолет.

Сухопутный «АН-2» долго кружил, удалялся и возвращался снова, выискивая место для посадки. А найти его здесь летом почти невозможно: слева — штормующее Карское море, справа — безжизненная, кочковатая, болотистая тундра. И озера, озера без конца. Но вот машина, еще раз сделав над нами полный круг, взяла курс на Диксон. Сердца у нас замерли: неужто уходит?..

И вдруг кто-то радостно крикнул:

— Садится!.. Сел!

Куда сел самолет, мы, конечно, не могли видеть, но зато ясно заметили на горизонте белые облачка, будто разрывы, через определенные промежутки времени поднимавшиеся к небу: это летчики пускали сигнальные ракеты, указывая нам место посадки.

Мы заспешили к лодкам: ведь самолет не мог долго задерживаться. А тут, как на грех, оба подвесных мотора оказались испорченными. Пришлось их разбирать. С большим трудом мы смонтировали из них один, поставили лодку и, буксируя вторую, отправились.

Море штормовало... Крупная ледяная волна то вскидывала наши утлые посудины, то с размаху швыряла их в белую кипень. Днища трещали, моторчик чихал, захлебывался от усилий, а то и вовсе умолкал на какое-то время. Тогда все брались за весла. Не знаю, как другие, но я, не умеющий плавать, чувствовал себя, откровенно говоря, неважно. Думаю, что не лучше чувствовали себя и мои спутники.

На берегу, почти у самой кромки воды, свободно раскинув зеленые крылья, стояла милая, желанная «Аннушка», как любовно называют летчики «АН-2». Нам салютовали выстрелами.

Командир экипажа пригласил нас отве-
дать... жареной печенки морского зайца. Ока-
зывается, он ненароком вылез из воды по-
греться, тут его и прихлопнули. Неподалеку
от самолета, совсем по-домашнему, горел
корогаз и над большой кастрюлей вкусно
поднимался парок...

Какое же надо иметь мастерство, какой
надо было обладать выдержкой, чтобы поса-
дить машину на узкую, метров в восемь-де-
вять, полоску каменной щебенки, заваленную
плавником.

Но даже не это поразило меня. Поразило
другое. Самолет приземлился всего лишь в

полукилометре от могилы Никифора Алексеевича и в каких-нибудь двухстах метрах от остатков избушки, в которой двадцать восемь лет назад он доживал свои последние часы...

— Через два часа будем на Диксоне, — сказал летчик.

Когда самолет поднялся в воздух, взяв курс на Диксон, и широкая тень его крыльев легла на одинокую могилу полярного следопыта, я взглянул на лица моих товарищей, и в их глазах прочел гордость, увидел невольное волнение. Мы ничего не сказали друг другу. Мы поняли друг друга без слов. Каждый из нас увидел в этом символ победы советского человека над суровыми просторами Арктики, торжество человеческого разума над слепыми силами природы.

Возвратившись домой, я только через несколько месяцев узнал, что расследование обстоятельств гибели Никифора Алексеевича Бегичева закончено.

Как может убедиться читатель, оно было чрезвычайно сложным делом: день ото дня отдельные ниточки наматывались в клубок, потом он внезапно снова разматывался. И так — в течение многих лет.

Конечно, большая сложность заключалась, как я уже писал, в том, что труп Никифора Алексеевича почти не сохранился.

Главные заботы легли на плечи тех, кто проводил судебно-медицинскую экспертизу. Это им предстояло (спустя двадцать восемь лет!) разгадать тайну мыса Входного. К решению этой задачи были привлечены лаборатории института судебной медицины, института рентгенологии и радиологии, инсти-

тута антропологии Московского университета имени М. В. Ломоносова.

Ученый секретарь института судебной медицины кандидат наук В. Науменко, один из активных участников экспертизы, писал следующее:

«Каких-либо трещин и переломов костей черепа при осмотре и путем рентгенологического исследования не обнаружено. Хрящи гортани и подъязычная кость также не были повреждены. Передние зубы на верхней и нижней челюстях отсутствовали вследствие давнего выпадания, зубные ячейки сглажены. В обеих челюстях рентгенологически отмечались явления остеопароза (патологическое разрушение костной ткани). В верхнем небе имелись костные дефекты округлой формы диаметром 0,5 см, проникающие в гайморову пазуху, — результат бывшего костного заболевания.

На основании данных судебно-медицинского исследования трупа Бегичева и дополнительных исследований, проведенных в ряде научно-исследовательских учреждений Москвы, было полностью исключено предположение о том, что смерть Бегичева наступила от насильственных действий, сопровождавшихся нарушением целостности костей черепа и ребер. Обнаруженные в черепе расхождения швов возникли после смерти от расширения вещества головного мозга вследствие промерзания его.

Судебно-медицинская экспертиза пришла к заключению, что смерть Бегичева наступила от авитаминоза (цинги). Основанием для такого вывода послужили данные, получен-

ные при исследовании трупа, и сведения, сохранившиеся в материалах дела...

Поскольку мягкие ткани трупа были значительно изменены, основное внимание было обращено на костную систему. Судебно-медицинским исследованием трупа Бегичева были установлены следующие характерные признаки заболевания: многочисленные костные разрастания в черепе, отсутствие большинства зубов, сглаживание зубных ячеек, а также остеопароз в ребрах у мест перехода костной части их в хрящевую и в эпифизах трубчатых костей. Подобные изменения, особенно со стороны черепа, наблюдаются при хронически протекающем авитаминозе, который имелся у Бегичева. Известно, что изменения в костной системе Бегичева отражают глубокие нарушения, происшедшие в заболевшем организме».

Таким образом, со стороны судебно-медицинских учреждений было сделано все возможное, чтобы объективно, доказательно установить истинные причины смерти легендарного боцмана.

Основываясь на заключении судебно-медицинской экспертизы, прокуратура Союза ССР полностью отвергла версию о насильственной смерти Н. А. Бегичева, как несостоятельную и ничем не подтвердившуюся.

Постановлением прокуратуры Василий Михайлович Натальченко был полностью реабилитирован. Исполнилось наконец то, чего он добивался на протяжении двадцати восьми лет. С него сняли тяжкое подозрение,

тяготевшее над ним, как проклятье. Свершилось большое и благородное дело, в чем вновь и вновь ярко сказался высокий гуманизм нашего социалистического строя.

Тайна мыса Входного перестала быть тайной.

4

По просторам Таймыра — от Диксона до Хантайки, от Хатанги до Пуры — все еще ходит добрая слава о большом русском человеке, верном друге всех долган, ненцев, нганасанов.

Там, где когда-то Никифор Алексеевич Бегичев бестрепетно вел своих полярных следопытов на разведку и изучение богатейших месторождений, призывно светят огни известного всему миру Норильска. В Хатанге, куда Улахан Анцыфор безошибочно торил дороги, вырос крупный поселок и возник Арктический порт. Большим портом Крайнего Севера стал и Диксон, где не раз бывал боцман, путешествуя по Таймыру. Здесь несколько лет назад поставлен памятник отважному сыну норвежского народа Паулю Тессему.

Жители Диксона вряд ли забудут день 28 июня 1964 года.

Он выдался на редкость удачным: светило солнце, чувствовалось дыхание весны.

В поселке, на площади, собралось около двухсот человек на торжественный митинг. Его открыл тогдашний первый секретарь Диксоновского районного комитета партии Алексей Филиппович Богачев.

Среди собравшихся находился и Улахан Анцыфор. Да, да — он стоял, запечатленный в граните, Никифор Алексеевич, одетый в меховую куртку и бокари, будто снова собрался шагать туда, вдаль, на Север. И так верно, так хорошо была схвачена его фигура, выполненная красноярским скульптором А. Абдрахимовым!

Каждый, кто побывает на Диксоне, непременно встретится с боцманом. Рослый, коренастый, он возвышается над площадью как символ несокрушимого мужества человека.

Рыбаки с мыса Входного доставили сюда на собаках гроб с останками Улахана Анцыфора и замуровали в постамент памятника. На постаменте высечены слова:

БЕГИЧЕВ

НИКИФОР АЛЕКСЕЕВИЧ

1874—1927 гг.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТАЙМЫРА

Первым из кораблей приветствовал Бегичева атомный ледокол «Ленин», подошедший на другой день к Диксону.

Так новое встретилось со старым, была — с легендой. Так незримая эстафета была передана из рук бывалых следопытов в надежные руки молодых первопроходцев...

К низым облакам на небосклоне,
Заглушая долгие гудки,
Вспархивают гулко из ладоней
Голубями дружные хлопки.

Вторит им гортанный говор чаек,
Рокот трех арктических морей...

Это остров Мужества встречает
Одного из кровных сыновей.

Медленно спадает покрывало,
Обнажая пористый гранит:
Человек как будто у штурвала,
Зорко вглядываясь в даль, стоит.

И припомнились мне все скитанья
По снегам, где я в любом балке
По крупицам собирал сказанья
О бесстрашном русском моряке.

Помню: в топком тундровом просторе,
Тайну смерти боцмана храня,
Деревянный крест лежал, который
Снят на старом фото у меня.

Значит, где-то здесь его могила,
Возле моря, на краю земли.
Мы нашли ее и холм унылый
Бережно, любовно возвели.

А потом, в тиши благоговейной
Тех незабываемых минут,
Раздались два выстрела ружейных—
Смелости и доблести салют.

Скромный холм над Пясинским заливом
Навестив через десяток лет,
Я и впрямь считал себя счастливым
После стольких поисков и бед.

Потому-то я еще не свыкся
С тем, что меж прибрежных острых скал,
Взглядом весь окидывая Диксон,
Бегичев в гранитной робе встал.

Видит он преображенный берег,
Самолет, летящий на Москву...

Я горжусь, что хоть в какой-то мере
К этому причастен торжеству!..

Советские юноши и девушки едут сегодня на новостройки Таймыра, на Хантайку, на Талнах. Они возводят в полярной тундре ГЭС, шахты, рудники.

Пусть они помнят о том, кто впервые прокладывал сюда пути. Пусть учатся у него мужеству, настойчивости в достижении цели.

Пусть перед ними никогда не меркнет героический образ Улахана Анцыфора — человека, который стал легендой.

*Мыс Входной — Новосибирск
1951—1973 гг.*

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая

УМЕР... ИЛИ УБИТ?	5
-----------------------------	---

Часть вторая

УЛАХАН АНЦЫФОР	25
--------------------------	----

Часть третья

ТАЙНА МЫСА ВХОДНОГО	92
-------------------------------	----

Лисовский
Казимир Леонидович
ТАИНА МЫСА ВХОДНОГО

Для старших школьников и юношества

Редактор **Л. В. Белявская**
Художник **В. П. Кириллов**
Художественный редактор **В. П. Минко**
Технический редактор **М. Н. Коротаева**
Корректоры **Р. А. Куклина, О. М. Кухно**

Сдано в набор 13 марта 1975 г. Подписано к печати 28 мая 1975 г. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. 5,11 печ. л. 5,15 изд. л., в т. ч. вкладки 0,55. МН09210. Тираж 50 000. Заказ № 3495. Цена 40 коп.

Западно-Сибирское книжное издательство,
Новосибирск, Красный проспект, 32.
Типография изд-ва «Омская правда»,
г. Омск, пр. К. Маркса, 39

40 коп.

Сидирью
связанные
судобы